

Т.В. Шмелёва

**ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ
ГРАММАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Учебно-методическое пособие

Красноярск 2006

УДК 491.701 - 75
ББК 81.411.2 - 2
Ш 72

Рецензенты: кандидат филологических наук И.В. Башкова;
кандидат филологических наук А.Н. Сперанская

Шмелёва Т.В.

Ш 72 Текст как объект грамматического анализа: учеб.-метод. пособие
/ Т.В. Шмелёва; Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2006. – 63. (экспресс-издание)

Учебно-методическое пособие содержит важные сведения по теории и практике грамматического анализа текста, необходимые для становления специалиста любой гуманитарной практики. В качестве материала для иллюстрирования и анализа в пособии предлагаются нехудожественные тексты.

Для студентов гуманитарных факультетов филологических специальностей «Филология», «Журналистика», «Связи с общественностью» высших учебных заведений. Может быть рекомендовано для аспирантов, преподавателей вузов, а также школьных учителей.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Красноярского государственного университета

© Красноярский
государственный
университет, 2006
© Т.В. Шмелёва, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
ЧАСТЬ 1. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ	6
Текст сквозь призму метафоры ткань.....	6
Кодекс речевого поведения	12
"Так сказать" и "как говорится"	19
Деепричастия на службе у модуса	24
Репертуар метасредств русского языка	29
ЧАСТЬ 2. ПРАКТИКУМ	32
Методические советы	32
Тематическая основа	32
Рематический уток	35
Авторский узор	37
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ	39
БИБЛИОГРАФИЯ.....	60

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вашему вниманию предлагается методический материал, который призван помочь в подготовке к итоговому экзамену по современному русскому языку.

Необходимость такой помощи очевидна: профессиональный уровень филолога проявляется в умении анализировать и объяснять текст (недаром ведь и филология мыслится как «служба при тексте» [Аверинцев 1979]). Однако же в рамках основного университетского курса современного русского языка тексту специального места не отводится. Возможно, это основано на представлении о том, что умение анализировать текст как бы само собой сложится из освоения разных языковых единиц, прежде всего синтаксических, затем морфологических (в первую очередь морфологии глагола), лексики и ещё чего-то такого, что мы называем лингвистической интуицией и просто сообразительностью. Часто именно так и бывает. Но далеко не всегда. И уповать на это – утопично.

Ведь текст, как стало ясно недавно, (не сумма высказываний, а особая единица со своим грамматическим устройством, и потому учиться видеть это устройство, или ГРАММАТИКУ ТЕКСТА, надо специально. Именно в этом может помочь это учебно-методическое издание.

Его можно рассматривать как продолжение пособий к курсу «Современный русский язык», ведь в тексте начинают «работать» все изучаемые в этом курсе единицы – от морфемы до сложного предложения. И в то же время здесь представлены те особые элементы текста, в которых кроется его грамматическая природа – тематическая основа, рематическая линия и авторское начало. Это такие же объективные составляющие грамматического устройства текста, как падеж или модальность и время для высказывания.

Сегодня сомневаться в этом – уже непозволительная для профессионала невинность. Пережив «текстовый бум» 1970-х годов, лингвистика постепенно осваивает текст как особый объект. С другой стороны, в лингводидактике набирают силу текстоцентрические тенденции, и педагогическое освоение текста движется вслед за лингвистическим, поддержанное убеждением в том, что «текст должен стать основной единицей обучения языку и речи» [Ипполитова, 1998. С.25]. Особый стимул для изучения текста в школе создал ЕГЭ по русскому языку, куда входит задание, связанное с анализом текста и созданием собственного по его поводу.

В названии этого учебно-методического пособия можно видеть перифраз заглавия одной из первых отечественных монографий текстовой проблематики – «Текст как объект лингвистического исследования» [Гальперин, 1981]. В этом – специфика замысла: предполагается самое

общее знакомство с проблемами текстовой организации, и цель этого знакомства обозначена чётко – приобретение опыта анализа текста. При этом нельзя не заметить сужения проблематики: здесь речь идёт только о грамматическом анализе. Этот момент важно подчеркнуть, поскольку наряду с грамматическим подходом к тексту возможны *речеведческий (риторический), стилистический и филологический*. Каждый из них имеет особые цели, систему понятий. Однако грамматический анализ, если можно так сказать, первичен, все остальные, может быть, в разной степени, но учитывают его результаты.

И ещё одно отличие предлагаемых материалов – они имеют в виду *не художественный текст*. Это объясняется стремлением дать возможность научиться на таких текстах, которые по отношению к художественным следует считать *первичными*, а потому устроенными более просто. Анализ художественного текста – задача более сложная, надстраивающаяся над тем, что помогают выработать предлагаемые здесь знания.

Методические рекомендации включают две части. Первая – «Научные статьи» – содержит информацию теоретического характера в научных статьях о семантике высказывания, которые высвечивают важные для текста моменты авторского присутствия в нём; вторая – «Практикум» – даёт возможность приобрести опыт анализа текста. Завершает издание терминологический словарь, в который включены самые необходимые термины и их кратчайшее толкование. Словарь должен помочь и в чтении научных текстов, в том числе, предлагаемых здесь, и в изложении и обсуждении своих наблюдений над устройством текстов. При необходимости более детального знакомства с тем или иным понятием можно обратиться к справочной и лингвистической литературе, которая указывается в библиографии.

Использую эти страницы, чтобы выразить сердечную благодарность инициатору этого издания Алевтине Николаевне Сперанской и всем, кто принял участие в его и обсуждении и подготовке к печати. Оно представляет собой «красноярскую версию» методического пособия для студентов Новгородского университета имени Ярослава Мудрого, где я веду курс «Текст как объект изучения в школе». Мне приятно думать, что моё участие в работе кафедры русского языка не относится только к прошлому, когда я состояла в её штате.

Буду рада, если мои рекомендации действительно помогут вам, дорогие коллеги, приобрести и «отшлифовать» опыт грамматического анализа текста и выработать новое отношение ко всем знаниям, полученным вами в курсе «Современный русский язык» и в других лингвистических курсах.

Желаю вам успехов, и не только в этом!

ЧАСТЬ 1. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

В этой части пособия – информация об устройстве текста, которую студенты узнают обычно на лекционных занятиях. Но здесь не дублируются лекции, поскольку сведения даются в иного типа текстах – научных статьях, опубликованных мною в разное время. Опыт работы с методической и лингвистической литературой представляется важной составляющей профессионального багажа будущего педагога.

ТЕКСТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТАФОРЫ ТКАНЯ

Статья опубликована в:

Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 1998. С.68-74.

Этимология слова *текст* хорошо известна: она отсылает к латинскому глаголу *texo* 'тку, строю, сплетая'; *textus* означает 'ткань', в чем трудно усомниться, вспомнив русское *текстиль* [Черных, 1993. II. С. 232]. Значит, в основе семантики слова *текст* лежит **метафора** **тканья**, переплетения. И хотя русский язык воспринял это слово в готовом виде, сам этот метафорический ход не чужд и ему: достаточно вдуматься в глагол *плести* в значении 'говорить что-либо, обычно несурзное' [МАС III. С. 140], существительное *сплетни* или термин древнерусской книжной словесности *плетение словес* [Горшков, 1984. С. 123 и сл.].

Характерно в этом отношении и использование метафоры «ткань текста» в работах, например, современных литературных критиков: «*нормальная грамотная художественная ткань*, без особой графомании и вычур» (Д. Бавильский); «*он использует методики постмодерна для создания художественной ткани [текста]*» (М. Кудимова).

Ценность этой метафоры видится в том, что она помогает понять принципиальное устройство текста и научить людей без особой лингвистической подготовки видеть его.

Итак, развивая метафору тканья, следует предположить, что если текст соткан, то в нем должны быть **основа**, **уток** и **узор** [Даль, 1991]. И действительно, опираясь на то, что нам стало известно об отдельных категориях текста из столь много обещавшей в 70-е, но несколько поутихшей текстлингвистики, мы можем сказать, что устройство текста определяется соединением двух обязательных составляющих – **тематической основы** и **рематического утка**, а также факультативного в плане выражения **авторского узора**. Рассмотрим каждую из этих составляющих.

Тематическая основа текста, подобно основе ткущейся ткани, представляет собой особую нить, которую составляют **темы** высказываний. Её мы прочитываем отдельно, вы-читываем, когда нам нужно узнать, о чём

незнакомый текст, и эта интуитивно выработанная техника чтения сложилась безотносительно к осведомлённости о проблемах актуального членения и текстлингвистики.

Чтобы научить кого-то вычитывать тематическую основу текста, надо прежде всего познакомить с **техническими средствами** ее создания. Это тем более просто сделать, что такого рода сведения известны из теории актуального членения – как информация о способах выделения темы [Современный, 1989. С. 710-714] и теории референции – как данные о средствах выражения кореферентности в тексте: ведь тематическая основа это и есть цепочки кореферентных обозначений – непрерывных или прерывающихся, сменяющих друг друга или сосуществующих в некоторых его фрагментах. Обобщение такого рода данных см. в: [Ким, 1995].

Наиболее простое средство создания тематической основы – **повтор**, его используют дети и неискушенные авторы, см. напр.:

(1) *Галлы напали на Рим... // Люди были собак палками потому что они не слышали / что галлы лезли по стенке... // Галлы воровали фрукты / овоци /вишино /ну и яеоду воровали. Когда люди... / римляне спали дома/а собаки ничего не слышали / потом / когда они встали /они стали... /увидели их/ и стали кидать на них бревна / кирпичи // И много галлов убили //* (Текст пересказа новеллы Л.Н. Толстого «Как гуси Рим спасли»; данные К.Ф. Седова и Л.Ю.Кузнецовой).

Как ни странно, повтор широко используется для создания тематических основ и в научных текстах, напр.:

(2) *В 390 г. до н.э. Рим был захвачен галлами - племенами, пришедшими в Италию с севера и обосновавшимися в долине реки По. Галлы разрушили и сожгли город, и только небольшой отряд римской молодежи во главе с Марком Манлием сумел укрепиться на Капитолии. Галлы не смогли захватить его и долго осаждали. По преданию, когда Галлы попытались ночью прорваться на Капитолий, священные гуси храма Юноны разбудили спящую стражу и спасли Рим. Галлы, удовлетворившись большим выкупом, ушли на север Италии.* [Энциклопедия для детей. История. М., 1993. С. 160].

Повтор – надежное, но однообразное и потому не поощряемое стилистикой средство создания тематической основы. Его противоположность в этом отношении – **перифраза**, обладающая максимальными возможностями лексического разнообразия (подробнее см.: [Ким, 1995. С. 13-15]). Представляя собой серию пере-именований некоторой реалии в тексте, она будет тем обширней, чем больше известно о данной реалии разнообразных сведений, дающих основания для ее новых обозначений. Вне таких знаний лежат собственно текстовые перифразы типа *герой нашего рассказа*; *те, о ком шла речь*, и т.п. Требования к использованию пери-

фразы предъявляет главным образом поэтика художественного текста, многие перифрастические выражения стали принадлежностью поэтического языка [ЛЭС С.274; Новиков 2000]. В собственно языковом отношении перифразу как средство тематизации можно считать факультативным, даже избыточным.

Отличается экономностью такое средство создания тематической основы, как **анафора** – отсылка к предшествующему тексту, своеобразный указатель "смотри раньше". Анафора достигается с помощью местоимений (*он, этот, тот*) и однофункциональных слов типа *последний, вышеупомянутый*, а также простого умолчания, получившего название "нулевая анафора" [Ким, 1995. С.15-32] – используем для её обозначения значок Ø. Оба вида анафоры использованы в примере из "Энциклопедии туризма" (М., 1993. С. 370):

(3) *Расположенный на стыке пути "из варяг в греки" с Волжским путем, Новгород развивался как центр торговли, ремесел и культуры. Он был средоточием летописания и распространения грамотности. Здесь существовала одна из главных школ древнерусского искусства (зодчество, фрески, иконопись). С 1478 года Ø в составе Русского государства. В 18 веке, в связи с развитием Петербурга, Ø теряет свое торгово-экономическое значение. С 1727 года Ø губернский город.*

Для прочтения тематической основы важно понимание отношений смысловой соотнесенности между именами – партитивности, принадлежности, аспектности, каузальности. Так, возвращаясь к тексту о галлах в «Энциклопедии для детей», находим фрагмент с их характеристикой:

(4) *Обитая в лесах, галлы вначале не имели и понятия о комфорте. Жилища Ø (иногда полуземлянки) строились из дерева и покрывались соломой и досками... Лица их не отличались разнообразием – мясо (в основном свинина), молоко, вино, пиво. Галлы умело обрабатывали металлы, изготавливали оружие, утварь, украшения. У галлов существовал свой язык, но к V-VI в. н.э. он был вытеснен латинским.*

В этом тексте наряду с повтором (*галлы... галлы... у галлов*) для создания тематической основы используются анафорические средства (их, Ø), поддерживаемые смысловыми отношениями "человек – жилище", "человек – пища".

Итак, тематическая основа текста прочитывается достаточно легко, этому вполне можно научить школьника и тем более студента. Научившись видеть ее в тексте, а затем критически относиться к ее построению в разных, в том числе и собственных текстах, студенты с интересом узнают, что под названием **тематической последовательности** эта составляющая строения текста была открыта и введена в научный оборот Фр. Данешем [Горшкова, 1979. С. 349-353]. Им же предложена типология текстов, раз-

личающихся характером тематических последовательностей. Так, повествовательные тексты ткутся с **линейной** тематической основой [Там же. С. 350], описательные имеют основу, которую Фр. Данеш именует **константной** [Там же], или такую, в которой он видит последовательность с **производными** темами [Там же. С. 351]. Научившись различать эти три типа тематических основ, каждый может "распутывать" основы текстов, часто связанные из нескольких ниточек, составляющих, так сказать, тематический сюжет текста.

Рематический уток, который, по словам Даля, «пропускается по основе», составляют последовательности рем высказываний, из которых состоит текст. Чтение "по ремам" хорошо известно всякому культурному читателю: так он поступает, когда заранее известно, о чем текст, и надо ухватить то главное, что о нем сообщается. Секрет такого чтения прост: ремы в письменной речи располагаются преимущественно в конце предложений [Современный 1989. С. 710].

На текстообразующие функции ремы обратила внимание Г.А. Золотова, обнаружив цепочки семантически однородных рем, для которых она предложила термин "рематические доминанты", показав их значимость для типологии текстов [Золотова, 1979]. Проиллюстрировать предложенное Г.А. Золотовой понятие можно с помощью текста (2), информативную сущность которого передают главным образом глаголы, помещенные в рематический центр высказываний: *разрушили, сожгли, сумел укрепиться на Капитолии, не смогли захватить, осаждали, прогнать, спасли Рим, ушли на север Италии*. Такого типа рематические доминанты Г.А. Золотова называет акциональными и указывает на их характерность для повествовательных текстов.

Для понимания смысла текста важны не только рематические доминанты, но и **смены рем**, которые и заключают в себе, если можно так сказать, драматургию текста, его смысловое движение. Рассмотрим только один пример:

(5) *Синицы – птицы лесные. В зимнюю пору покидают леса им приходится не от хорошей жизни – голодно там. Часть синиц откочевывает на юг, другие – летят к человеческому жилью (газ.)*

Этот текст обнаруживает такое семантическое движение: характеристика через **пространство – состояние как причина – движение**. Далее в рематический уток текста влетаются **предметы** (чем кормятся птицы), новые **пространства** (где находится корм) и т.д.

Умение видеть рематический уток текста делает его "прозрачным" для читателя, "обнажает" его логику, что очень важно и при редактировании собственного текста. Создание типологии текстов по чередованию рем в

составе утка – дело будущего, это и теоретически, и практически необходимая работа.

Авторский узор, который, говоря словами Даля, может быть «выткан» в тексте, – не обязательная его составляющая, как не обязателен и узор в ткани. Его составляют **словесные проявления авторского присутствия** в тексте. Подчеркнем **словесные**, поскольку автор незримо всегда присутствует в тексте, как это показывают все приведенные ранее тексты, сотканные без авторского узора. Если же условия жанра или авторская воля вводят в текст авторский узор, то его удельный вес может быть самым различным. См., например, газетный текст с минимальным словесным проявлением авторского узора:

(6) *Африканский черный носорог находится на грани исчезновения с лица земли, считают специалисты. Число этих животных неуклонно сокращается. Сегодня на всем континенте Африки насчитывается не более 14 тысяч черных носорогов. Главный бич носорожьего племени – браконьеры и перекупщики, охотящиеся за "рогами" животных, которые якобы обладают чудодейственными свойствами.*

Если говорить о смысловых возможностях проявления авторского начала в тексте, то они довольно обширны.

Во-первых, это экспликация «фигур» автора и адресата, которые обычно оказываются «за кадром», но могут получить для своего проявления особые фрагменты текста:

(7) *Не считая себя специалистом в области техники, тактики и методики спорта, а полагаясь лишь на опыт болельщика, которому посчастливилось присутствовать на многих больших соревнованиях, Олимпийских играх, я остановлюсь на одной проблеме: психологии спорта (Ю. Трифонов);*

(8) *После этого вступления читатель ждет обычных в наше время сетований о тяжелой судьбе художника в России, о недооцененном таланте и т.д. Но никаких жалостливых слов не будет (О. Торчинский).*

Во-вторых, авторский узор может составить **метатекст** – ту часть текста, которая представляет собой его описание и одновременно инструкцию по его пониманию для читателя – «текст о тексте», как назвала его А. Вежицка, предложившая термин **метатекст** [Вежицка, 1978].

В-третьих, авторский узор могут составить разнообразные авторские оценки упоминаемых реалий, информации о них и языковых средств, отобранных автором для их описания; такого рода авторский узор представлен в (6). Рассмотрение круга такого рода оценок в рамках высказывания обобщено автором в работе [Шмелева, 1995].

Средства тканья авторского узора хорошо известны – и из знаменитой работы А. Вежицкой, и из пунктуационного опыта каждого школьника,

включающего знание о необходимости ставить запятые до и после словечек *итак, так, например, прежде всего, наконец* и т.д.

Авторский узор текста замечен в силу его семантической специфики, этому обучаются, может быть, легче всего (но на пунктуационную практику это, увы, существенно не влияет). Важно показать, что авторский узор в руках самого автора, он может сделать его более или менее заметным, «выткать» иначе, убрать совсем. Убедиться в этом можно, поработав, например, с таким текстом из книги Л. Выготского и А. Лурия «Этюды по истории поведения»:

(9) *Обратимся к развитию мышления и речи. Очень многое заставляет нас думать, что дело обстоит в действительности гораздо сложнее, чем предполагает эта теория. Мы можем прежде всего сказать, что мышление и речь имеют безусловно разные корни и очень часто на ранних ступенях развития могут существовать одно без другой. Нам известно, например, что могут существовать формы интеллектуальной деятельности без всяких речевых проявлений.*

Студенты достаточно быстро предлагают свои редакции этого фрагмента текста – с уменьшением «размеров» авторского узора или его полным устранением. В то же время они не могут не увидеть, как тесно сплетены все нити в ткани текста, и изменение одной из них требует перестройки другой.

Таким образом, сложнейший феномен текста сквозь призму метафоры тканья обнаруживает вполне уловимые черты, характеризующие его принципиальное устройство. Увидеть его мне кажется более важным и полезным, чем отмечать особенности отдельных текстов, из наблюдений над которыми, как правило, ничего не следует для анализа других текстов, а тем более создания собственных. Наблюдение над особенностями – едва ли не единственное занятие, известное современной лингводидактике, что и создает парадоксальную ситуацию: главное, чему надо учить – это понимать и создавать тексты, и именно этому мы не учим, поскольку не умеем, что во многом и создает впечатление ненужности занятий языком. Современные знания об устройстве текста, семантике и прагматике высказывания позволяют серьезно заняться их дидактическим осмыслением и внедрением в практику преподавания. Опыт такого осмысления и представлен в этой статье, появлением которой я обязана своим студентам и слушателям. За что я и выражаю им свою сердечную благодарность.

Статья опубликована в:
Русский язык за рубежом. – 1983. – №1. – С. 72-77

до издания русских переводов работ П. Грайса "Логика и речевое общение"
и Д. Гордона, Дж. Лакофа "Постулаты речевого общения"
(Новое в зарубежной лингвистике, 1985, вып. 16).

Отличается от логических работ зарубежных авторов конкретностью данных
о русском языковом сознании и русских средствах языковой рефлексии
в рамках высказывания. Воспроизведена в: Шмелева 1998.

Можно ли о человеке, знающем словарь и грамматику, сказать, что он в совершенстве владеет языком? Думается, можно только в том случае, если наряду с этими огромными по объему знаниями он интуитивно освоил правила речевого поведения, которыми руководствуются носители данного языка. Интуитивно потому, что ни один учебник или словарь, ни одна грамматика не содержат таких правил, и мы даже не подозреваем, как сильно подчинены им в своей речевой деятельности. Как же можно "извлечь" и сформулировать эти правила, коль скоро они так или иначе представлены в языке и знание их входит в языковую компетенцию говорящих на нем?

Речь пойдет не о правилах этикета, предписывающих в той или иной ситуации выступать с определенным высказыванием или воздерживаться от каких бы то ни было речевых проявлений, а о правилах, регулирующих собственно речевую деятельность, или речевое поведение.

Первый (самый, казалось бы, очевидный) путь – обратиться к специальным текстам, где обсуждается речевая деятельность – критическим разбором, поучением, рекомендациям и т.п. Но текстами такого рода мы как будто не располагаем (классические риторики ограничены в известной степени своей эпохой, к тому же это инструкции, касающиеся одного вида речевой деятельности – публичной речи). В самых разных текстах можно встретить "попутные" замечания о правилах речевого поведения, но это материал, как правило, случайный и потому ненадежный (но интересный, и собирать его надо).

Второй путь предлагает Ю.В. Рождественский, убедительно показавший важность "извлечения" и формулировки таких правил. Это фольклорные тексты, а именно пословицы. Опыт такой экспликации правил он произвел с восточными пословицами [Рождественский, 1979. С.20-25]. Интересные результаты, очевидно, даст аналогичное изучение русских пословиц и поговорок.

Третий путь открывается исследованиями семантической организации предложения. Известно, что один из главнейших принципов этой организации состоит в том, что говорящий обязательно должен соединить в

предложении объективную информацию о мире – **диктум** – и субъективную, "от себя", – **модус**. В модусе заключается целый спектр значений, представляющих отношение автора высказывания к описываемым событиям, к информации о них и к собеседнику [Балли, 1955. С.45; Шмелева, 1995]. Наряду с этим в модусе содержится информация об отношении говорящего к предложению как собственному речевому произведению.

Эту часть модуса составляет информация:

- 1) о целях данного речевого действия: сообщить (спросить) – произвести некоторое социальное действие (поздравление, извинение и т.п.);
- 2) о жанре, в котором выступает говорящий: собственно сообщение, шутка, согласие с мнением или возражение "предыдущему оратору" и т.д.;
- 3) о месте данного высказывания в тексте – начинает он текст, новый "сюжет", возвращает к уже обсужденному, продолжает мысль, резюмирует.

Особенность этой части модусных смыслов состоит в том, что они всегда (вернее, почти всегда) проявляются в предложении скрытым образом, **имплицитно**: все перечисленные значения – цель речевого акта, его жанр, место в тексте – очевидны для всех участников общения и потому не требуют специального выражения.

Выражение такого рода смыслов модуса (**метасмыслов**) производится при каких-то отклонениях от обычного, стандартного хода коммуникации, когда говорящий вынужден комментировать свою речевую деятельность, мотивировать свое поведение как автора высказывания. Так, когда говорящий осознает, что нарушает правила речевого поведения под воздействием особых обстоятельств, в его высказывании появляются своеобразные пометки, суть которых состоит или в объяснении мотивов отступления, или в извинениях по этому поводу. Наблюдения над такими **экспликациями метасмыслов** в предложении дают возможность выявить **кодекс речевого поведения** по его "нарушениям".

Итак, третий путь "извлечения" правил речевого поведения – обратиться к скрытым элементам модуса, вернее, к тем случаям, когда эти принципиально невыражаемые смыслы эксплицируются. Преимущества этого пути – в том, что он позволяет сформулировать не только правила речевого поведения, но и определенные инструкции, касающиеся того, как вести себя, если приходится их нарушать.

Далее здесь приводятся некоторые результаты исследования по третьему пути. При этом имеется в виду элементарная коммуникативная ситуация в ее "классическом" варианте: говорящий предлагает свое высказывание слушающему/читающему. Таким образом, здесь можно будет говорить об "элементарной" части кодекса речевого поведения. Все ее требо-

вания относятся к говорящему как активному участнику общения, ведущему.

Главное из этих требований состоит в необходимости выбора такой авторской тактики, при которой были бы соблюдены **интересы** слушающего и собственные интересы говорящего (хотя, вообще говоря, разделение этих интересов условно, поскольку они сходятся в желании успешного хода коммуникации). **Интересы слушающего** состоят в том, чтобы ему, во-первых, была предложена информация, соответствующая его запросам и возможностям, а во-вторых, не были нанесены какой-либо коммуникативный "ущерб" или обида. Собственные **интересы говорящего** сводятся к тому, чтобы, осуществив свои коммуникативные намерения, не произвести неблагоприятного впечатления, что может случиться, если он проявит языковую некомпетентность, незнание правил речевого поведения и, наконец, если он нарушит одно из этих правил и тем самым не сумеет учесть интересов собеседника.

Итак, каким должно быть поведение говорящего?

Говорящий должен предлагать такие высказывания, часть информации которых была бы слушателем **известна**. В противном случае собеседник либо не будет знать, как вести себя дальше, либо просто не поймет высказывания. При отсутствии общих знаний говорящий должен или сделать предварительное сообщение (*У меня есть один приятель, так вот у него...*), или, по крайней мере, задать вопрос о наличии таких знаний (*Ты слышала, что экзамен переносят? Так это неправда*). Это требование обусловлено семантическим свойством предложения, хорошо известным лингвистам, – субъектно-предикатной структурой, где под субъектом и имеется в виду общая для говорящего и слушающего идентифицирующая часть [Арутюнова, 1976].

Говорящий должен строить свое высказывание так, чтобы ничто в нем не оказалось неоправданным или **странным** для слушателя на основе предварительных его знаний о ситуации и об обычном, естественном ходе событий. При малейшем предположении, что придется отступить от этого правила, говорящий должен ввести в предложения "оправдывающие" его разъяснения: "*Горожанин по привычкам, памяти, жизнеощущению, я, видимо, страшно тосковал в волжских лесах по камню и асфальту большого города. Говорю «видимо», так как сам себе не отдавал отчета в неясном чувстве*" (С. Наровчатов). Слово *видимо* могло бы здесь показаться странным, так как информация о собственных ощущениях говорящего в принципе достоверна. В подобных случаях используются, как в приведенном примере, достаточно пространные экспликации речевого элемента модуса с глаголами *сказать, называть, употреблять* слово и т.п. и объяснениями такого, на первый взгляд, странного употребления.

Как бы противоположным этому оказывается правило не сообщать **общезвестного, тривиального**. При вынужденности сделать это, например, в начале разговора, в ответе на прямой вопрос и т. п., в предложение вводятся пометы *как известно; известно, что*, отчасти снимающие с говорящего ответственность за банальность информации; см., например, фразу из интервью артиста Б. Чиркова: *Деление героев фильма на "положительных" и "отрицательных", как известно, весьма условно*.

Говорящий должен не сообщать сведений, а тем более суждений и оценок, **неприятных для слушателя**. Если же приходится это делать, то оправданием может служить упоминание о другом требовании речевого кодекса – говорить правду, быть **честным и искренним**.

Говорящий обязан быть **точным**, т.е. представлять задуманное содержание единственным соответствующим ему способом. Если у него нет уверенности, что это требование исполнено, он может ввести слушателя в свою "творческую лабораторию", предъявив ему тот ряд обозначений, из которых он затрудняется сделать выбор; см., например: *Писатель ведет нас в кабинет, который почему-то хочется назвать лабораторией, а точнее – мастерской* (Н. Полевой). Отдельные элементы такого ряда сопровождаются, как правило, пометами предпочтительности – *точнее, вернее, лучше*: *Здоровье мое худо, а веселость, или, лучше сказать, желание шутить нападает с досады* (Н. Лесков). Возможны и более пространные экспликации с подробными объяснениями автора: *Дом № 53 – первый шумозащитный и шумозащитный дом в Москве (я даю оба определения, потому что, говоря, даже среди авторов его идут споры, какое из них точнее)* (газ.).

Говорящий должен вести речь в какой-то определенной **манере** – серьезно или шутливо, конкретно или обобщая, пространно или кратко, детально или "грубо". При смене манеры общения он обязан сказать об этом собеседнику, воспользовавшись для этого, например, дееспричастной конструкцией *говоря схематично / грубо / кратко / суммарно / образно / фигурально / в общем* и т.д.: *Но, говоря серьезно, мне надоело до смерти ездить* (А. Островский); *Подход с этой стороны заключается, говоря суммарно, в том, что сначала изучается значение имен, а затем – предложение* (Ю. Степанов).

Сделав все для правильного понимания своего высказывания слушателем, говорящий должен позаботиться еще и о поддержании своего **коммуникативного престижа**, что, в свою очередь, обеспечивает успешность коммуникации. Для этого говорящий должен соблюдать целый ряд специальных правил.

Первое из них состоит в требовании **искренности и правдивости**. Как уже было сказано, оно может вступать в противоречие с требованием не

говорить неприятного для собеседника и оказывается при этом более сильным. В таких случаях в предложении появляются пометы *честно говоря, по правде говоря, правду сказать* и подобные. В наибольшей степени это относится к оценочным суждениям, особенно отрицательным, которые всегда требуют осторожности: *Кунта был добрым и, прямо скажем, глупым* (Ф. Искандер.); *Интересно читать о романе, но, по правде говоря, сужбо отвлеченные формулировки и суждения обычно мало задевают практиков* («Вопросы литературы», 1981. №6). Более сильным оказывается это правило и по отношению к требованию не переходить некоторого общепринятого предела откровенности. Так, в информации о собственной персоне говорящему следует воздерживаться от высказываний типа *я обманул его, я порадовался его неудаче, я пожалел времени/денег*. При необходимости высказаться подобным образом говорящий должен сослаться на требование честности и прямоты: *Откровенно говоря, Чик просто боялся напороться на один из обломков этих скал* (Ф. Искандер). Таким образом, помета *по правде говоря* может вводиться и в интересах слушателя, и в интересах говорящего.

Весьма существенное требование кодекса речевого поведения – не впадать в **преувеличения**, воздерживаться от излишне категоричных суждений. А такая возможность возникает в предложениях, содержащих превосходную степень прилагательного или наречие (*самый* или *больше всего*), указания на единственность и исключительность (*только*), отрицание (*никто, нет такого, чтобы...*). В таких высказываниях могут появляться экспликации речевого смысла с указанием на то, что приводимая информация не есть преувеличение: *Дальневосточный регион в общесоюзном разделении труда играет исключительную, не побоимся этой оценки, роль; Былое и настоящее Вены — это, можно без преувеличения сказать, история и сегодняшний день Европы*" (газ.).

Есть в русском языке и специальное слово – сигнал авторской осторожности, назначение которого в предложении – уравновесить смыслы, могущие создать впечатление преувеличенности, нейтрализовать их. Это слово – *пожалуй*, оно очень активно используется в высказываниях "с подозрением на преувеличения": *Искусство актера, пожалуй, самое субъективное из всех искусств; Нет, пожалуй, такого дома в Индии, в котором не было бы хоть одного глиняного кувшина* (газ.). Подобную роль могут выполнять и показатели неуверенности в достоверности, сигнализирующие в таких высказываниях осторожность автора предложения: *Вряд ли есть что-нибудь приятнее в жизни, чем спускание на воду только что сделанной лодки!* (В. Белов).

Целый ряд требований кодекса речевого поведения относится к **отбору языковых средств** для данного предложения.

Говорящий не должен использовать средств, не известных слушателю. Если же без таковых не обойтись, необходимо дать к ним комментарий, воспользовавшись конструкцией с пояснительным союзом. Так следует поступать, используя слова, еще не вошедшие в широкое употребление или заведомо известные ограниченному числу лиц – диалектизмы, профессионализмы, местные и семейные словечки. Н. Некрасов пишет Л. Толстому в 1855 г.: *Ваше "Отрочество" вышло в свет в октябре 1854 года (...) и произвело то, что называется эффектом, то есть некоторый говор в Петербурге*.

Говорящий должен проявить в своей речи высокий уровень языковой компетентности, в частности, он обязан знать, как принято называть, характеризовать, с чем сравнивать то, о чем он ведет речь. Иначе говоря, это правило состоит в том, чтобы не отступать от **узуса** – "языкового обычая", как его называл И.А. Бодуэн де Куртэнэ. Если же говорящий позволяет себе отступления от узуса, ему следует ввести в предложение оправданно-извинительные пометы *если можно так сказать, я бы сказал, хочется сказать и т. д.*: *В поездке по Западной Монголии я часто вспоминал Армению. Горы в Западной Монголии, если можно так сказать, армянские* (газ.). Не нарушая узуса, говорящий обязан вместе с тем избегать штампов; отступление от этого правила обычно сигнализируется извинением: *И как этот эпизод рисует и Конева, и саму атмосферу Корсунь-Шевченковского сражения... Как солнце, отраженное в капле воды, извините за банальное сравнение* (Н. Полевой).

Вообще к выбору номинаций для описываемых событий кодекс речевого поведения предъявляет довольно сильные и сложные требования. Суть их состоит в том, чтобы отобрать из имеющихся в языке номинативных средств такие, которые отвечали бы одновременно трем требованиям:

- а) были бы естественны для говорящего, соответствовали его "социальному паспорту";
- б) были бы приемлемы для слушателя, не вызывая у него негативно-оценочных ассоциаций в каком бы то ни было отношении;
- в) соответствовали бы предмету речи, особенно если он во времени и пространстве "удален" от ситуации общения.

Как следует поступить говорящему, если ему не удастся найти номинации, отвечающие всем трем сформулированным требованиям? Прибегая к не совсем естественной для себя номинации, говорящий должен сопроводить ее "пометой чуждости", самая лаконичная из которых – **кавычки**. Это хорошо объясняет М. Цветаева: *Что такое кавычки? Знак своей непричастности – данному слову или соединению слов. Подчеркнутая чуждость общепринятому толкованию*.

Более информативными в таких случаях оказываются местоименно-соотносительные конструкции с глаголами *именовать, называть, говорить*; они позволяют сообщать мотивы неприятия данной номинации, например: *Берсенеv двигался неуклюже, высоко поднимая на ходу плечи, вытягивал шею; а все-таки он казался более "порядочным" человеком, чем Шубин, более джентльменом, сказали бы мы, если бы это слово не было у нас так опoшлено* (И. Тургенев); *...То, что в Париже называют модой, украшая это слово роскошными эпитетами, Модильяни не замечал вовсе* (А. Ахматова).

Такие же ряды номинаций появляются в силу требования соответствия предмету речи: одни элементы такого рода соответствуют экзотическому объекту описания, другие – обеспечивают понятность описания для слушателя: *И вот наступает праздник прихода солнца "мескаль"; Чал – напиток из верблюжьего молока – в тех кувшинах набирал необыкновенный вкус и чудодейственную силу* (газ.).

Итак, 13 правил "элементарной" части кодекса речевого поведения, не исчерпывающих ее, но представляющих, думается, с самых существенных сторон, можно сформулировать в виде предписаний и запретов:

- 1) сообщай информацию, содержащую известное для слушателя;
- 2) сообщай информацию, не расходящуюся с житейской логикой слушателя и его представлениями об обычном ходе событий;
- 3) не сообщай общеизвестного, банального;
- 4) не сообщай неприятного для собеседника;
- 5) говори точно, стремясь найти единственно верные слова;
- 6) придерживайся одного способа ведения беседы, одного жанра;
- 7) будь искренен и правдив;
- 8) не будь излишне откровенен;
- 9) не преувеличивай;
- 10) не используй языковых средств, которые могут быть не известны слушателю;
- 11) говори согласно норме и как принято;
- 12) избегай штампов;
- 13) выбирай номинации в соответствии с номинативными привычками: а) своими, б) слушателя и в) в соответствии с предметом речи.

В каждом из случаев указано, как может вести себя говорящий, не имея возможности или желания буквально исполнять правило.

Порядок перечисления имеет свою логику: наибольшую силу имеют правила "в интересах слушателя", "относящиеся к содержанию предложения" (1–6); затем следуют требования, также относящиеся к содержательной стороне высказывания, но уже в интересах говорящего (7–9); заканчивают список требования к отбору языковых средств для предложения, где

прямо с интересами слушателя соотносится (10), а остальные (11–13) – с интересами автора предложения, поскольку их исполнение характеризует его языковую компетентность, такт и сообразительность.

Представленные здесь сведения естественно отнести к грамматике говорящего (по О. Есперсену), или активной грамматике (по Л.В. Щербе). Исчерпывающее описание, выполненное в таком духе, должно быть дополнено словарем, где были бы собраны и истолкованы все слова, выражения и конструкции, помогающие говорящему вести себя в общении согласно речевому кодексу.

"ТАК СКАЗАТЬ" И "КАК ГОВОРИТСЯ"

Статья опубликована в:
Служебные слова. – Новосибирск, 1987. С. 125-132.
Сопроизведена в: Шмелева, 1998

Среди разрядов служебных слов ("частиц речи") В.В. Виноградов поместил "модальные словосочетания", включающие и единства *так сказать (ТС)* и *как говорится (КГ)*. Усомниться в служебной функции этих единств трудно, но нелегко и объяснить, чему они, собственно, "служат".

В этом убеждаешься, открыв словари. Объяснение к *ТС* исчерпывается приведением, надо полагать, синонимичного ему выражения *если можно так выразиться*; сообщается, что оно "выражает желание более точно назвать, характеризовать, обозначить что-либо" [ФС], по-видимому, желание автора высказывания (остается неясным, почему это желание не может быть просто реализовано, а требует специального о нем сообщения). Как-то плохо согласуется с этим информация о том, что *ТС* "употребляется для смягчения какой-либо формулировки или указания на ее неточность в значении" [МАС, 1981-1984. С. 101]. Плохо согласуется, а значит, мало что объясняет.

О единстве *КГ* сообщается, что оно используется "с устойчивыми словосочетаниями" и приводится его синоним *как говорят* (ничего дополнительного не проясняющий). Среди фразеологизмов это единство не значится, зато ему посвящена статья в [ТРЯ], где оно толкуется через выражения *как принято говорить, как выражаются в подобных случаях* и конкретизируется понятие "устойчивые сочетания" – это может быть "поговорка, поговорка, какая-либо широко употребительная образная характеристика и т.п.". Весьма примечательно, что в этом справочнике помещены примеры неправильного употребления *КГ*, это говорит о том, что выяснение его "служебных обязанностей" имеет не только лингвистический, но и сугубо практический интерес.

Не уступает ему в этом отношении и *ТС*, о чем свидетельствуют указания нормализаторов и шутки юмористов; например, среди "Правил мастера Дубова" С. Пугачева на 16-й странице "Литературной газеты" находим такое: "Следи за своей речью. Помни, что кроме *"значит"* и *"так сказать"*, она должна включать и другие выражения".

Итак, чему же служат *ТС* и *КГ*?

В самом общем виде ответ на этот вопрос дает В.В. Виноградов: он указывает, что оба единства – среди тех, которые вносят в предложение *оценку* речи со стороны говорящего [Виноградов, 1972]. Из виноградовских комментариев к группам "модальных словосочетаний" становится ясно, что это средства авторской "инструментовки" предложения в плане *отбора средств* (но не собственно содержания). Это важное наблюдение объясняет уже хотя бы тот факт, что *ТС* и *КГ* рассматриваются в одном ряду: они *служат* выражению оценочного отношения говорящего к используемым им языковым средствам. Такое объяснение естественно ставит вопрос: какие именно оценки выражаются с помощью рассматриваемых единств и зачем это нужно говорящему?

Поиск ответа приводит к понятию *"речевое поведение"*, которое, как становится все более ясно, получает отражение в предложении наряду с фактами действительности, ситуацией речи, отношениями собеседников. Среди правил, регулирующих речевое поведение человека, говорящего на современном русском языке (подробнее о них см.: Шмелева, 1983), есть правила, касающиеся отбора языковых средств.

Одно из них рекомендует не нарушать узуса – привычного употребления имен по отношению к тем или иным референтам, сочетаемости слов. Это правило "отвечает" за стандартность текстов, обеспечивая незатруднительное их понимание, извлекая для говорящих на данном языке от постоянных изобретений, удерживая их в радиусе действия узуса, знание которого входит в языковую компетенцию. Другое правило предписывает избегать слов и словосочетаний слишком общепотребительных. Имея в виду главные ориентиры того и другого правила, можно первое из них назвать *правилом стандарта*, а второе – *правилом штампа*.

Суммарное действие обоих правил – противоположной направленности – сводится к тому, что говорящий при формулировании своих высказываний должен поддерживать определенный *баланс*: не выходя за радиус действия узуса, т.е. не позволяя себе особых вольностей, обходиться без средств, воспринимаемых как штамп или имеющих соответствующие симптомы. Выполнять оба эти правила во всех без исключения случаях оказывается невозможным хотя бы потому, что они рекомендуют взаимно исключаящие варианты, например, для данного случая есть только одно общепотребительное средство, но оно слишком общепотребительное.

Языком предусмотрено и *нарушения правил* стандарта и штампа: при риске быть их нарушителем говорящий вводит в предложение специальный сигнал об этом – свидетельство сознательного нарушения – по необходимости, а не по незнанию, и это является извинительным обстоятельством. Такими сигналами и служат единства *ТС* и *КГ*.

Таким образом, если конкретизировать толкование В.В. Виноградова, то можно сказать, что с помощью *ТС* и *КГ* в предложение вносится *оценка* составляющих его средств в аспекте их стандартности. При этом *ТС* квалифицирует некоторое слово и словосочетание как *нестандартное*, как языковую вольность автора; *КГ* – напротив, сопровождает средство как *слишком стандартное* для данного случая или вообще с симптомами штампа.

Согласно этой характеристике рассматриваемые единства антонимичны. Прагматический же эффект их использования – одного характера: с их помощью автор как бы *извиняется за нарушение* правила речевого поведения и тем самым исключает осуждение его. Прагматическая природа этих служебных средств проявляется в том, что правила их употребления не могут быть выведены из их семантики. Более того, можно сказать, что семантика их пуста: они содержат указание на факт говорения – *сказать, говорят*, что избыточно, поскольку информация о говорении входит в presupпозицию любого высказывания, и малоинформативные местоименные слова *так* и *как*.

Следует отметить, что употребление *ТС* и *КГ* не обязательно: оценка языковых средств в этом параметре связана со степенью развитости языковой рефлексии автора и относится к тонкостям. Она целиком отдана на усмотрение автора высказывания. В отличие от других служебных средств, без которых не обойтись в предложении в той или иной коммуникативной ситуации, рассматриваемые единства предполагают описание в модальности возможности: важно знать, где *можно, хорошо* бы их употребить, в остальных случаях они становятся словами-паразитами. Так, например, сочетание *прокрустов срок* – очевидно нестандартное, и принадлежит автору, который никакими сигналами-извинениями сопровождать это сочетание не считал необходимым: *И если в редчайшем случае ослепнут кто исплопотать лицензию, то срок ей всегда установлен прокрустов: с 15 сентября по 1 декабря* (газ.).

Пренебрегая *ТС*, автор рискует меньше, чем исключая из своего речевого оборота *КГ*: осуждение за языковые вольности менее "губительно", чем подозрения в банальности речевых приемов; см. в записных книжках А.П. Чехова: *"...говорящий только банальные вещи: с ловкостью молодого медведя, на любимую мозоль"*.

Рассмотрим ситуации, когда говорящий может прибегнуть к помощи извинительных сигналов. *ТС* появляется там, где автору приходится нечто изобретать, только бы не высказываться штампованно. "Изобретательская" деятельность говорящего носит главным образом комбинационный характер – он изобретает неизвестные комбинации известных языковых средств, и эти языковые вольности могут быть словообразовательными, референтными, фразеологическими и сочетаемостными.

Словообразовательные вольности – изобретения новых слов, в первую очередь прилагательных, когда автора в его стремлении как можно точнее охарактеризовать описываемый объект не удовлетворяет запас имеющихся слов: *Нарисованная Пушкиным картина его жизни в Одессе правдива – такова была реальность, в которой он жил. Но это была не единственная реальность, а, так сказать, "празднично-поэтическая"* (Ю. Лотман). Сравните, однако, подобные образования в текстах без всяких извинительных помет: *Скоро этот тополь украсится клюквенно-красными серезками* (Г. Семенов). Это сравнение, впрочем, может говорить не только о факультативности *ТС*, но и о различных "редакциях" правила стандарта для разных типов текстов, в частности, для художественного.

Под референтной вольностью имеется в виду свобода автора в обращении со словом относительно обозначаемой им реалии – референта. Такого рода вольность иллюстрирует эпизод из повести Ю. Крелина "Свои и чужие", относящийся к событиям, произошедшим в очереди за машинами: *У домика сбились в группу несколько энергичных людей, так сказать, оргкомитет. Они-то и решали все вопросы.* Далее автор дает понять, что его "изобретение" вынужденное (нет имени такому "органу"!) и оно не кажется ему удачным: *"Оргкомитет, инициативная комиссия – как их еще можно назвать? – со списком в руках пошла считать своих людей, так сказать, по головам".*

Фразеологическими вольностями отмечены действия, разрушающие несвободные связи слов (фразеологизмы в широком смысле), использующие ожидания слушателя для создания "острых" эффектов, в том числе комических: *Есть в этой сложной по составу, но очень цельной по стилю, духу, интонации книге и, так сказать, непортретные зарисовки* (А. Кондратович); *Развлекательный час им устроили присутствующие в Испании наши артисты, так сказать, не отходя от тренировочного поля* (газ).

Самый распространенный вид вольности – сочетаемостный, когда автор по своему усмотрению соединяет слова, для которых не характерно выступать "в одной упряжке". В результате получаются сочетания, которые можно назвать "оксюморонные" и "разносферные".

"Оксюморонные" сочетания объединяют слова с компонентами взаимно исключающей семантики, например: *На моих глазах совершалось, так сказать, "обыкновенное чудо"*; *Почему-то в поисках героя киноискусство обращается к директорам и вообще к руководителям, то есть к лицам, которые являются вожаками масс, так сказать, по должности, по штатному расписанию* (газ).

"Разносферные" соединения идут против разделения лексики на две важнейшие сферы – конкретную и отвлеченную, нарушая закон семантического согласования: имена абстрактные соединяются с предикатами конкретного, физического мира: *Там, где обнаружена соизмеримость вещи с пересказом... там поэзия, так сказать, не ночевала* (О. Мандельштам); *С удивительной верностью и цепкостью, так сказать, схватывает он характер изображаемого лица* (К. Аксаков). Нельзя не отметить, что эти вольности соответствуют общей тенденции "заимствования" абстрактной лексикой предикатов из конкретной сферы, благодаря которой в языке работает **метафора**. Так что вольности, допущенные цитируемыми авторами и встречающиеся во многих других предложениях с "разносферными" сочетаниями, касаются соединения конкретных слов, но не самого принципа разносферного соединения.

Итак, *ТС* – это извинительная помета за языковые вольности, которые с ее присутствием в предложении должны выглядеть простительно.

КГ, как уже было сказано, – авторская помета противоположного характера: это извинение за безынициативное языковое поведение, использование средств не только широко "эксплуатируемых", но и приобретших некоторую однозность, вызывающих у носителей негативное отношение. Все эти средства если не штампы, то "кандидаты" в штампы.

Антонимичность *КГ* по отношению к *ТС* проявляется в категории лица: *ТС* предполагает значение 1-го лица, что становится явным в структуре его "сослуживцев", например, "я бы сказал" – это, собственно, авторское речевое действие; *КГ* – напротив, предполагает значение лица "не я", "все, но не я", поэтому оно оформлено как безличный или неопределенно-личный оборот.

Можно выделить группы слов и выражений, которые, вероятнее всего, сочтут избытыми и сопроводят выражением *КГ*. Среди них:

1. Общеизвестные литературные цитаты и их модификации, например: *Герои, как говорится, нужны разные* (газ.);

2. Единицы бытовой афористики, если можно так назвать круг речевых клише бытового общения, например: *хоть караул кричи, дешево и сердито, тебе и карты в руки, со стороны виднею, со своей колокольни, кот наплакал, давить на психику* и т.п. Часто их стремятся обозначить как "не

свой" еще и тогда, когда используют в более высоком речевом регистре, см., например: *Кинозритель США, как говорится, видал виды* (газ.);

3. Модные слова и выражения, которые буквально «у всех на устах», например: *престижно, экстремальный, не в курсе, стресс* и т.п.: *Эти образчики "неоклассического", или, вернее, левоакмеистского стиля 1920-х годов по всем, как говорится, параметрам соответствуют современным стихам Арсения Тарковского* (В. Кожин);

4. Некоторые профессиональные выражения, частотность которых в определенных сферах заставляет употреблять их с оговорками: *Может, тут не загадка, а обыкновенный канцелярский ляп, как говорится, досадная опечатка* (газ.); *Пьеса была, как говорится, проблемная и острая* (П. Антокольский).

Таким образом, *ТС* и *КГ* служат проявлению в предложении языковой рефлексии автора. Их "служебные обязанности" могут быть описаны как метавысказывания:

ТС = "оцениваю это слово/словосочетание как языковую вольность, нарушаю правила, стандарта, прошу извинить за это";

КГ = "оцениваю, это слово/словосочетание как слишком употребительное, нарушаю правило штампа, прошу извинить за это".

Вокруг *ТС* и *КГ* группируются их "сослуживцы", которые тоже приходится считать служебными средствами: *если можно так сказать (выразиться), я бы сказал, своеобразный, своего рода, как говорят, что называется*. В этой же функции выступают и кавычки, они могут использоваться в обоих рассмотренных случаях, и очевидность этого избавляет от необходимости приводить примеры.

Изложены здесь наблюдения над *ТС* и *КГ*, разумеется, не исчерпывающи. Точно так же лишь "краешком" задеты проблемы проявления в предложении языковой рефлексии автора, стандарта и штампа, языковой моды и некоторые другие вопросы, приобретающие актуальность с повышением интереса к культуре языка.

ДЕЕПРИЧАСТΙΑ НА СЛУЖБЕ У МОДУСА

Статья опубликована в:

Системный анализ значимых единиц русского языка.
Синтаксические структуры. – Красноярск, 1984. С. 64 – 70.
Воспроизведена в: Шмелева, 1998.

Деепричастие (далее – *Д*), как все помнят еще из школы, обозначает в предложении событие, менее важное, чем то, что обозначено глаголом, но обязательно с тем же субъектом – главным действующим лицом. Эту верную в целом характеристику нельзя, тем не менее, считать исчерпываю-

щей. Системное описание *Д* выявляет конструкции, где оно вносит вклад не в событийное содержание предложения, а в его модус. В статье пойдет речь об одном типе таких структур: *Они были, говоря словами Чацкого, сторонниками "свободной жизни"* (М. Нечкина); *Несколько упрощая, можно сказать, что англичанин склонен быть, консервативным по взглядам и прогрессивным по наклонностям*. (Вс. Овчинников); *У авторов письма, судя по редакционной почте, не так уж мало единомышленников* (газ).

Подобные предложения привлекают внимание исследователей синтаксической нормы [Ицкович, 1982. С. 131-133; 140-141]. Нормативность их признают с осторожностью, помещая в «серой зоне между нормой и ненормой» [Там же. С. 140]. Не затрагивая этого специального аспекта, подчеркнем: такого рода предложения встречаются в современных текстах самых авторитетных изданий, что позволяет говорить о них как о реальных фактах современного русского синтаксиса, демонстрирующих (скажем заранее) существенную сторону смысловой организации предложения.

Затруднения в оценке нормативности анализируемых конструкций вызываются тем, что они построены с нарушением "грамматики деепричастия": в них нет подлежащего, которому можно было бы отнестись *Д*; более того, такая отнесенность исключена даже при наличии подлежащего: *"Энергичные люди", пользуясь определением В. Шукшина, умеют подкараулить свою минуту, дожидаться и не упустить своего часа...* (Вопросы литературы). Двусмысленности, как можно было бы ожидать, не возникает: не имея возможности истолковать конструкцию как односубъектную, мы понимаем субъект *Д* совершенно однозначно – это говорящий, автор высказывания. Такой особый случай не должен представляться загадочным: он объясняется смысловыми законами высказывания.

Дело в том, что в высказывании присутствует компонент, заключающий в себе указание на акт говорения и характеристики авторских действий. Этот компонент смысла, который можно назвать *речевым*, принципиально скрыт, имплицитен в силу своей самоочевидности (коль уж говорят – говорят, и понятно, почему и как). Экспликация – явное выражение – требуется только в тех случаях, когда его содержание отходит от самоочевидности и обобщение отклоняется от стандарта.

Д оказывается одним из средств экспликации речевого компонента. Его грамматическая природа как нельзя более подходит для такой роли: его второстепенность, побочность соответствует "сопровождательности" эксплицируемого смысла; одновременность *Д* несовершенного вида позволяет как бы на мгновение включать слушателя в план речи, в момент говорения: *говоря словами Чацкого, образно говоря* и т.п.; принципиаль-

ная незамещаемость субъектной позиции *Д* позволяет, назвав речевое действие, не называть прямо его субъект, т.е. говорящего, что для русского языка является предпочтительным, во всяком случае, во многих книжных стилях.

Когда же говорящему оказывается нужен эксплицировать речевой компонент и как это делается с помощью *Д*?

Автор каждого предложения, осуществляя свои коммуникативные замыслы, должен параллельно следить за тем, как ему удастся выполнять *кодекс речевого поведения*. Среди требований этого кодекса есть, например, такие:

- 1) не сообщать неприятного для собеседника;
- 2) не преувеличивать и не быть категоричным;
- 3) указывать источник заимствования;
- 4) соблюдать логику повествования, избегать отклонения от последовательного изложения мыслей и сведений;
- 5) придерживаться одного способа ведения беседы, одной манеры речи;
- 6) мотивировать свои выводы и заключения.

Требования эти не предполагают беспрекословного их исполнения – говорящий не станет нарушителем кодекса, если, не сумев соблюсти их буквально, введет в предложение соответствующие оговорки, разъяснения, извинения. Вот здесь он и может прибегнуть к конструкциям с *Д*.

Есть два типа таких конструкций: одни включают *Д* глаголов говорения (*говорить, выразаться, перефразировать* и т.п.), другие – глаголов умственной деятельности (*полагать, судить, исходить из...*). К первым прибегают при затруднениях в выполнении требований 1-5 из приведенной части кодекса, ко вторым – стремясь не нарушить требование 6.

В каждом из этих случаев допустимы конструкции с *Д*, построенные по всем канонам грамматики деепричастия: оно выступает вместе с глаголом аналогичной семантики, и речевой компонент оказывается эксплицированным сложной конструкцией: *Ничуть не боясь преувеличений, скажу, что начальный этап [конкурса] был суровым испытанием технических и музыкальных возможностей скрипачей (газ); ...перефразируя Цвейга, можно сказать: вначале были сомнения (Знание – сила); Судя по дате ответа на данный вопрос, можно предположить, что он последовал после уже окончания следствия и объявления приговора (История СССР).*

Однако более популярны так называемые независимые деепричастные обороты. Как уже было отмечено, правильность их прочтения гарантируется естественным присутствием в каждом предложении говорящего – субъекта, к которому в первую очередь должны быть отнесены все не-

дифференцированные указания о действиях говорения и логических операциях.

Неканонические конструкции с *Д* активно используются для экспликации речевого компонента. Обороты *честно говоря, мягко говоря, короче говоря* грамматикализованы и включаются в состав особого класса модальных слов – модальных словосочетаний (фразеологических единиц) [Розенталь 1974. С.324]; для словоформ *судя, исходя из* отмечают отторженность от глагольной парадигмы. Они обслуживают, по-видимому, наиболее "настоятельные" требования кодекса речевого поведения, чем и обусловлена их частотность в современных текстах и растущая популярность.

Так, не имея возможности выполнить правило "не сообщать собеседнику неприятного", говорящий может в свое оправдание сослаться на другое, более сильное требование "быть правдивым", введя в предложение деепричастные обороты типа *честно говоря, по правде говоря: Честно говоря, стыдно назвать плотной это ветхое деревянно-земляное сооружение (газ.); Интересно читать о романе, но, по правде говоря, сугубо отвлеченные формулировки и суждения обычно мало занимают практиков* (Вопросы литературы). В этом случае, как мы видим, *Д* глаголов речи сочетаются с наречными формами "правдивой" семантики.

Аналогично строятся оговорки при нарушении второго требования. Если говорящий допускает, что его могут подозревать в излишней категоричности или преувеличенности оценок, он может либо прямо "отвести подозрения": *(Не боясь преувеличений...)*, либо намекнуть, что он даже преуменьшает: *...и при таком, мягко говоря, незавидном положении можно было найти выход (газ.).*

Для указания на источник цитирования, сферу номинативных ресурсов (требование 3) используются специальные глаголы *цитировать, перефразировать* или глаголы *говорить, использовать* с замещением объектной позиции лексемами *слово, выражение, язык, терминология*, при которых обязательны распространители; см. примеры с оборотами *говоря словами Чацкого, пользуясь определением В. Шукшина, перефразируя Цвейга*, а также: *Говоря философским языком, содержание "Онегина" и его творческая история изучаются в снятом виде* (Вопросы литературы); *Платон-философ, говоря языком современной науки, ставит вопрос о научной терминологии* (Поэтика древнегреческой литературы).

Стремясь соблюдать логику повествования и не допускать неожиданных ходов мысли, не подготовленных предшествующими рассуждениями (требование 4), автор ведет особую линию в тексте, которую вслед за А. Вежбицкой принято называть *метатекстом*. В метатекстовых экспликациях используются *Д* фазисных глаголов и глаголов движения, напри-

мер: **Возвращаясь** к третьему свойству, это положение можно высказать иначе (Ю. Степанов); А для каждого ствола, **продолжая** сравнение, своя почва (Знание – сила).

Выполняя требование 5 – информировать о переходе от одной манеры речи к другой – можно воспользоваться, прежде всего, оборотом самой общей семантики иначе говоря: *Нашествие насекомых и болезней здесь не пресекают ядохимикатами. Природа сама ищет в себе силы, чтобы победить их. Иначе говоря, природный комплекс должен быть способен к саморегуляции...* (Химия и жизнь). Желание уточнить, как именно иначе он собирается говорить, возникает у говорящего при изменении речи по следующим параметрам: пространственность / краткость, конкретность / общность, сложность / простота, образность / безобразность и т.п. В соответствии с этим в эксплицирующих оборотах используются сочетания глагола *говорить* с наречиями и, что показательно, сравнительной степени прилагательного названной семантики: *Но, говоря серьезно, мне надоело до смерти ездить. Тоска невыносимая!* (А. Островский); *Это привело, говоря в общем, к появлению двух типов логических языков, или двух логик* (Ю. Степанов); *Образно говоря, Вашингтон вырвал финансовый "спасательный круг" из рук терпящих экономическое бедствие западноевропейцев (газ); Говоря более лапидарно, генеративная лингвистика в своих основах преимущественно американское явление* (В. Звегинцев).

Согласно требованию 6 говорящий должен вводить в предложение информацию о мотивах своих предположений, заключений и т.п., для чего достаточно часто используются конструкции с *Д* от глаголов умственной деятельности: *Судя по выступлениям в печати, главное эстетическое кредо этих писателей – прямо смотреть правде в глаза (газ.); Учитывая пригодную для обитания площадь, плотность популяции кулана в Баохыском заповеднике к 1980 г. превысила 25 голов на 1000 га (Природа); Исходя из потенциальных возможностей нашей страны, она способна дать на своем примере уже зрелую модель всечеловеческого братства* (Е. Евтушенко).

Итак, здесь рассмотрены факты, расширяющие наши представления о семантических возможностях конструкций с *Д*. Помимо безусловного центра, занимаемого структурами, описанными в грамматиках, в этой системе есть периферия – ее составляют однособытийные высказывания с эксплицитно выраженным речевым компонентом модуса.

Рассуждениям о том, на каком расстоянии от границы нормы следует поместить конструкции рассматриваемого типа, стоит, думается, предпочесть изучение их возможностей как одного из средств авторского проявления в тексте, выработку соответствующих рекомендаций. Это тем более своевременно, что анализируемые конструкции, как уже отмечалось, по-

пулярны в авторитетных, в том числе филологических, изданиях, широко используются лингвистами (см. примеры из работ Ю.С. Степанова, В.А. Звегинцева и др.).

В пользу нормативности рассмотренных предложений говорит и их "неслучайность", естественность с точки зрения системной: модусная функция деепричастных оборотов – результат взаимодействия трех факторов:

1) свойства речевого компонента смысла предложения – имплицитность и тенденция получать вербальное проявление в определенных условиях;

2) грамматическая природа *Д* – побочность, одновременность, незамещаемость субъектной позиции;

3) лексическая семантика глаголов речи, мысли и их сочетаемость.

Рассмотренные факты являются элементом системы средств, находящихся на службе у модуса и, в частности, обеспечивающих выполнение кодекса речевого поведения. В этой системе конструкции с *Д* оказываются в соседстве с конструкциями спрягаемо-глагольными, инфинитивными, "квазиусловными"; ср. ряд *по правде говоря, скажем прямо, правду сказать, если быть откровенным*. Описание всей системы модусных средств и выявление специализации каждого из ее элементов – предмет особых наблюдений и рассуждений.

РЕПЕРТУАР МЕТАСРЕДСТВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Текст помещен в депонированных в ИНИОН (№ 36093) материалах конференции "Структурно-семантические особенности текста и его единиц", прошедшей в мае 1987 г. в Харьковском государственном пединституте им. Г.С. Сковороды (с. 22-26), а затем воспроизведен в: Шмелева, 1998.

Метасредства языка, на которые обратил внимание Р. Якобсон [Якобсон, 1975. С. 201-212], роль которых в тексте показала А. Вежицка [Вежицка, 1978], составляют значительный пласт языковых средств, нуждающихся в специальном изучении и особом описании.

Их составляют разнообразные сигналы о речевом поведении автора высказывания текста, или о свойствах речи в ее отношении к условиям и конвенциям общения [Гордон, Лакофф, 1985; Грайс, 1985; Шмелева, 1983]. По существу метасредства фиксируют все предусмотренные языком ситуации неавтоматического общения и представляют инструменты для выхода из таких нестандартных и даже затруднительных ситуаций. Репертуар метасредств русского языка требует систематизации как со структурной, так и со смысловой стороны.

Структурные типы метасредств представлены единицами от частиц до самостоятельных высказываний, иначе говоря, от микросредств, вмонтированных в предложение, до макросредств, требующих отдельного текстового пространства и соответственно особого внимания адресата.

Примером микросредств может послужить частица *же*, семантику которой в императивных высказываниях показали А.П. Володин и В.С. Храковский: *же* сигнализирует о прецеденте ожидания в императивной ситуации, который может быть создан как уже предъявленным императивным высказыванием, так и пониманием действительности, располагающей адресата к исполнению того или иного действия. Метасмысл *же* можно истолковать как сигнал избыточности предъявляемого императивного высказывания, в чем “виноват” не по правилам действующий, вернее, бездействующий адресат. Частица информирует о несоблюдении адресатом конвенции исполнения действий при первом предъявлении императивного высказывания, либо при очевидно и однозначно располагающих к этому обстоятельствах – то есть имплицитной императивности.

На “макрополусе” репертуара метасредств окажутся высказывания с метапредикатами в перформативном употреблении, или метавысказывания; например: *Но обо всех этих мелких подробностях расскажу после, если только будет стоить потом припоминать о такой пакости* (Ф. Достоевский, из писем); *Вечером у Глеба Капустина собрались мужики. Ждали хозяина. Про Глеба Капустина надо рассказать, чтобы понять, почему у него собрались мужики и чего они ждали* (В. Шукшин); *Я не знаю более трудного занятия, чем говорить о самом себе. Говорить хорошее – значит показаться себялюбивым. Говорить плохое ... вряд ли захочется* (Ив. Жамиак). В высказываниях такого типа обсуждаются обстоятельства общения, вынуждающие автора к тем или иным речевым действиям, самооценки своего речевого поведения, оправдания и объяснения его.

Между микро- и макрополусами расположатся некоторые из модальных слов и словосочетаний, как их называл В.В. Виноградов: *кстати, впрочем, действительно, во-первых* и т.д. Среди “словосочетаний” выделяются наиболее освоенные метаязыком структурные типы – инфинитивные и деепричастные обороты с глаголами речи и мысли; например: *Кстати сказать, судя по редакционной почте, принятия строгих правил, обеспечивающих сохранность библиотечных книг, с нетерпением ждут не только библиотечные работники, но и любители чтения в нашей стране* (газ.); *Несколько упрощая, можно сказать, что англичанин склонен быть консервативным по взглядам и прогрессивным по наклонностям... Проще говоря, ему чаще всего присущ консервативный реформизм* (Вс. Овчинников).

Из технических средств полипредикативного синтаксиса, тяготеющих к макрополусу, к метасредствам относятся местоименно-соотносительные, условные и целевые конструкции: *... нет на свете более крепкого вина, чем то, которое называется “память”*; *Тамара Григорьевна удивляла меня своим спокойным, если не сказать прохладным, отношением к Хемингуэю* (Ю. Трифонов); *героиня, оттоенная горячим кофе, выпавшаяся, завтракает в чистеньком, чтобы не сказать уютном полицейском участке* (газ.). Такие конструкции можно было бы назвать квазиотжествительными, квазиусловными и квазичелевыми – описываемые ими отношения относятся к сфере не реальной действительности, а речевой деятельности автора, сигнализируя о его рефлексии над отбором номинаций, моментами преувеличения и некоторыми другими постулатами речевого поведения.

Систематизация метасредств русского языка покажет распределение и взаимодействие лексических и конструктивных метаорганизаторов (в терминологии А. Вежбицкой) – эксплицитных (содержащих глаголы речевой семантики) и фразеологизированных (таких, как *же, впрочем* и подобных); клишированных и уникальных; принадлежащих только метаязыку и совмещающих эти функции с собственно языковыми, например, названные выше конструкции сложного предложения и такие обороты, как *прежде всего*. Для средств, совмещающих мета- и собственно языковые функции, важно определить условия проявления той и другой. Результаты такой подробной систематизации метасредств и поисков амплуа каждого из них могли бы найти отражение в метасловаре русского языка.

ЧАСТЬ 2. ПРАКТИКУМ

МЕТОДИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Изложенной в прочитанных вами статьях информации вполне достаточно для того, чтобы проанализировать устройство любого текста. Хорошо бы в дополнение к ним проштудировать лингвистические работы, на которые есть ссылки, в первую очередь это относится к статьям А. Вежбицкой и Г.А. Золотовой. Но уверенность в том, что любой текст вам по силам, может дать только практический опыт. Лучше сначала анализировать тексты в каком-то одном отношении, чтобы научиться видеть тематическую основу, рематический уток и авторский узор по отдельности, так сказать, «набить руку». А потом приступить к комплексному анализу текста, предполагающему не только вычленение всех трех составляющих в его устройстве, но и объяснение их соотношений, связи этих соотношений с жанром текста и его содержанием.

Хотя в статьях содержатся достаточно показательные иллюстрации, приведем несколько образцов анализа. При этом для маркировки текстов будем использовать значки: темы подчеркиваются, ремы выделяются *курсивом*, центр ремы – *полужирным курсивом*, авторский узор выделяется **полужирным**:

тематическая основа
рематический уток
авторский узор

Тематическая основа

Тематическая основа текста хорошо просматривается в **описаниях**. Этот жанр представлен и в энциклопедической статье, и в статье научно-популярной, и во фрагменте художественного текста. Общее для всех этих текстов то, что их тематическая основа может быть константной, поскольку описание посвящено одной реалии, или производной, если эта реалия описывается с разных сторон. Различия же названных разновидностей описания выявятся в средствах тематизации.

Так, для энциклопедической статьи отбираются самые экономные средства – нулевая тема, анафора, повтор. Для научно-популярного и тем более художественного описания характерно сочетание анафоры и перифразы (повторы воспринимаются как свидетельства плохого стиля).

Чтобы в этом убедиться, возьмем описание одной птицы в энциклопедическом словаре (№ 1) и в газетной статье В. Богданова из рубрики «Птицы Новгородчины» газеты «Новгородские ведомости» (17.04.2004) (№ 2).

№ 1.

ЗЯБЛИК, птица сем вьюрковых.
Дл. ок. 17 см. Обитает в лесах Европы,
Зап. Азии и Сев. Африки. Песня
звучная, но однообразная.

№ 2. ЗЯБЛИК

Самая многочисленная птица Новгородской области. Самец зяблика очень красив: розовая грудка, голубая голова, зеленоватое надхвостье, широкие белые полосы на крыльях. Где-то в середине мая у зябликов наступает пик доверчивости. В городских парках эти птицы ходят под ногами прохожих.

Самки зяблика не имеют цветной окраски, они и понятно, нужно быть незаметной на гнезде. Но белые полосы на крыльях у них так же широки. Самочка «вспыхивает» белым при взлёте. Уютное гнездышко в развилке ветвей зяблики по краям декорируют светлым мхом. Мне доводилось находить такое гнездо в парке Колмовской больницы. В края гнезда была вплетена белая вата.

Зяблики всеядны, но птенцов выкармливают в основном насекомыми. В конце лета они переходят на растительные корма.

У зяблика красивая, легко узнаваемая песня. После того как устоит тёплая весенняя погода, песни зябликов будут слышны повсюду: и в любой части леса, и в городских парках, и на деревенской улице.

В отличие от прыгающего воробья, зяблик по земле шагает. Делая короткие быстрые шаги, он постоянно ищет корм. Но периодически он взлетает на невысокую ветку и звонко поёт. Кроме основной песни, у зяблика есть голосовая позывка, так называемое «рюмление». По народной примете – к дождю. Но не всегда оправдывается народная примета.

Во второй половине лета зяблики меньше заметны. И улетают так же незаметно. А вот конец апреля и май – это время года, украшенное зябликами, их нежным разноцветьем и приятным пением.

Другую картину тематической основы представляет текст прогноза погоды (Р. Вильфанд. Известия 19.10.2004). Обратите внимание на то, что словоформы пространственной семантики оказываются и в тематической,

и в рематической частях текста. Анализируя этот текст, обратите внимание на то, что он оформлен без деления на абзацы. Как можно произвести такое деление? Чем бы вы при этом руководствовались?

№3

Отрицательные температуры – примета середины осени

Прогноз погоды, как ни покажется странным, связан с точными математическими расчетами. Прогнозирование элементов погоды есть не что иное, как решение сложной системы гидродинамических уравнений. Интерпретируемое решение в текстовом, графическом и других видах. Основателем гидродинамического направления прогноза погоды в России является Илья Кибель, столетие со дня рождения которого сегодня отмечается в Гидрометцентре России. На кибелевских чтениях будут заслушаны доклады ведущих ученых из Института вычислительной математики, Института физики атмосферы РАН. Текстовый прогноз погоды на ближайшие три дня соответствует следующим показателям: в нечерноземных и черноземных областях Европейской части России в течение трех дней будет облачно и дождливо. Температура ночью 4—6, днем 6—8 градусов. В Северо-Западном федеральном округе в тылу циклона прогнозируется вторжение холодных воздушных масс. Там ночью ожидаются заморозки. В Южном федеральном округе ночью от 5 до 10 градусов, днем — до 15. А на Урале и в азиатской части страны и днем, и ночью будут преобладать отрицательные температуры. Исключение составят лишь Приморье и юг Хабаровского края.

№4.

Монотемное построение текста хорошо представляют два отрывка из «Денискиных рассказов» В. Драгунского — «Что я люблю...» и «... И чего не люблю». Попробуйте это увидеть сами в начале второго:

Что не люблю, так это лечить зубы. Как увижу зубное кресло, сразу хочется убежать на край света. Еще не люблю, когда приходят гости, вставать на стул и читать стихотворение.

Не люблю, когда папа с мамой уходят в театр.

Терпеть не могу яйца всмятку, когда их взболтают в стакане, крошат туда хлеба и заставляют есть.

Еще не люблю, когда мама идет со мной погулять и вдруг встречает тетю Розу! Они тогда разговаривают только друг с другой, я просто не знаю, чем бы заняться.

Не люблю ходить в новом костюме — я в нем как деревянный.

Когда мы играем в красных и белых, не люблю быть белым. Тогда я просто выхожу из игры, и все! Я когда я играю красным, не люблю попадать в плен. Я все равно убегаю.

Не люблю, когда у меня выигрывают.

Не люблю, когда день рождения, играть в «каравай»: я не маленький.

Не люблю, когда задаются.

И очень не люблю, когда порежусь, вдобавок — мазать плащ йодом.

Рематический уток

Анализируя следующие тексты, обратите внимание на то, складывается ли из рем идущих друг за другом высказываний рематическая доминанта.

№5.

Один из счастливейших дней моей жизни — когда «Аквариум» репетировал у меня в мастерской... Весна, тепло, солнце... Я сидел на подоконнике, а они играли. Те несколько часов были фантастическими. И мне захотелось этим поделиться с людьми. Поначалу я писал о Боре рассказы, статьи. Но за фильм не брался — других дел было по горло. Да и не хватало идеи — как показать Гребенщикова в кино. Бессмысленно разъяснять его подробнее, ставить камеру вплотную, показывать, как он живет, детали его быта: вблизи ничего не видно

(В. Тихомиров // Известия. 23.11.2002).

№6.

Мамам очень нравится, когда их сыновья учатся играть на скрипке. Когда галстук-бабочка и белоснежная рубашка, и важный поклон маленькой кудрявой головы, и в репертуаре «Колыбельная» Моцарта. Ради этого мамы готовы терпеть много: головную боль, скандалы с соседями, подношения наставникам, а главное — слезы отпрысков, полагающих, что гаммы и арпеджио лишают их нормального

детства. Зато потом, когда мальчики из «подающих надежды» превращаются в известных музыкантов, о своих капризах они вспоминают с усмешкой, а о родителях – с нежностью и благодарностью.

(Е. Жукова // Алфавит. №39. 2002)

№7.

В середине прошлого века в оперу ходили *на голоса*. Когда голоса *стали исчезать*, начали ходить *на режиссуру*. Потом режиссуры стало *слишком много*, и захотелось *другого*. Настало время *музыки*. То есть теперь хочется *совсем незамысловатого* – *просто пойти на оперу Римского-Корсакова*. Чтобы *получить удовольствие*. Так вот сейчас это и случилось. Событие нового спектакля – *музыка*. Оркестр увлекательный, захватывающий, горячий. Событийный, эмоционально разнообразный. Певучий и драматичный. Для Евгения Бражника «Царская» – *своя партитура*, которую он *чувствует и любит*. И лучше всего, когда о дирижере говорить *не хочется*, потому что все происходит *само собой*

(Известия. 14.12.2002).

№8.

В Финляндии *187 888 озер*. Много, если учесть, что в стране проживает *чуть больше 5 миллионов* человек. То есть можно сказать, что приходится *почти 25 человек на одно озеро*. Впрочем, впечатляет *не это*. У нас ведь тоже много чего *есть*. И территория *гораздо больше*. И озер *хватает*, даже в пересчете на душу населения.

Впечатляет, как эти самые статистические 25 человек *обходятся со своими озерами в Финляндии*. Обходятся, надо сказать, *образцово*. Лес просто так *не рубят*, воду попусту *не тратят*, мусор где попало *не раскидывают* и вообще где попало *не гадят*. Поэтому у них, например, какой-нибудь серый гусь *мирно пасется на лугах в пригороде Хельсинки*. Об утках и не говорю. И дома строят *так*, что сразу их *и не заметишь*. *Растворяются они в ландшафте, прячутся в лесах*. И заборов между дачами *нет*. Дачи *есть*, а заборов *нет*.

(Н. Александров // Известия. 19.08.2004)

Авторский узор

В следующих текстах обратите внимание на авторский узор, или авторское начало текста, его удельный вес в тексте и средства его выражения, в первую очередь – метатекст.

Что касается средств, то стоит отметить: русские методисты давно обратили на них внимание. Так, в книге А.В. Миртова «Как научить и научиться писать сочинение», опубликованной в 1913 (!) году, приводятся списки конструкций, которые помогают автору строить текст. Познакомьтесь с некоторыми из них и попытайтесь определить, какие задачи они выполняют в составе метатекста:

Однако, кроме того, с другой стороны, что касается, теперь переходим (рассмотрим), другой характерной чертой, не менее важно, напротив, еще остается рассмотреть, при всем этом отметим, назовем и другие; подводя итог всему изложенному, таким образом, следовательно, из сказанного следует, обобщая сказанное, сказанное убеждает в том / позволяет сделать вывод... (Цит. по: [Ипполитова, 1998. С.46]).

№9.

Даллас – скучнейший город на севере Техаса, где кроме улыбки, на которой застрелили Кеннеди, до недавнего времени не было ничего любопытного. Теперь главной, **без преувеличения**, достопримечательностью Далласа служит баскетбольный клуб: самый интернациональный в НБА, самый прогрессирующий, **едва ли не** самый привлекательный по игре и, **как явствует из итогов первого месяца сезона**, самый успешный.

(Известия. 2.12.2002).

№10.

Познакомьтесь с фрагментом «Воспоминания о Р.И. Аванесове» Михаила Викторовича Панова, обращая внимание на совпадение модусного и диктумного субъекта и языковое воплощение этого момента.

Мой дорогой учитель Рубен Иванович Аванесов учителем **был** очень строгим. **Приносишь** ему двадцать страниц диссертации; **получаешь** от него обратно – и **слышишь**: «Изложите это на пяти страницах». Трудная задача! Ведь в фонетических работах мало бывает «выдои». **Очевидно**, все изложенное придется переделывать!

В рукописи пометы: «Короч», «Для вывода не годится» или **просто, но загадочно**: «Не так», «Изложите по-другому»... Намучался я с учителем! **Но это я сказал в**

штuku. На самом деле **нарадовался я, что у меня** такой учитель. Требовательный и верящий в своего ученика, в его умение понимать, отвечать требованиям учителя!

Но на студенческих экзаменах Р.И. **был** чаще всего добрым. Ту или иную ошибку при анализе текста **был** готов простить. Беспощаден он был только к лентяям.

№11.

Проанализируйте следующий текст, сверив свои определения тематического, рематического и авторского компонентов текста с предложенной разметкой. Обратите внимание на принцип построения текста – он называется антиципация (КРР С.60-63).

Тайна

Говорили, что писать людей он решительно не умеет, – что с того? Говорили, что его пейзажи скучны и неумелы, – ладно. Говорили, что его батальные сцены похожи на *рапорты*, – пускай.

Но почему, черт возьми, тайна его моря волнует до сих пор, почему оно летит на тебя, а ты, пытаясь убежать, не можешь сдвинуться с места?

Он написал шесть тысяч полотен.

Даже если бы их было всего шесть, этого было бы достаточно, чтобы он остался.

Звали его Иван Айвазовский.

(Алфавит. №30. 2002)

Словарь включает чуть более полусотни терминов, относящихся к теории лингвистики текста, а также семантического и актуального синтаксиса. Их отбор определяется желанием не столько представить названные области лингвистической теории, сколько вооружить читателя необходимым для чтения теоретических материалов и для собственных занятий анализом текста. В их толковании даётся самая важная для этого информация.

Для внутренних отсылок, которые помогают увидеть взаимосвязь понятий, используется *курсив*, так же обозначаются языковые примеры (спутать их трудно).

• **Абзац** – 1. отступ (иначе – *красная строка*), обозначающий новую тему или новый поворот в развитии *тематической основы* текста, что позволяет считать его одним из средств её формирования в письменном тексте;

2. часть текста, отделенная таким отступом.

При анализе текста важно видеть в нём связи между абзацами, их показателями выступают *текстовые скрепы*.

Деление текста на абзацы – важный момент его графического оформления, студенты не всегда владеют этой техникой, что вредит качеству курсовых и дипломных работ.

Термин стал использоваться с середины 19 в., образован от немецкого глагола 'отставлять в сторону'.

• **Авторское начало** – смысловая часть текста, в которой проявляется речевое поведение автора и его рефлексия по поводу своего текста; она может включать и указание на адресата, представляя собой путеводитель по тексту; с опорой на метафору ткань названо авторским узором; именуется также авторской речью, авторским планом текста.

Если иметь в виду словесное выражение, то авторское начало придется признать факультативным: автор может ограничить своё присутствие в тексте грамматикой *высказывания*. Повышение удельного веса авторского начала в тексте от минимального до максимального – при обильном *метатексте*, включающем *метавысказывания* – определяется автором в соответствии с жанром и коммуникативным замыслом.

В поэтике авторское начало текста изучают с помощью понятий «образ автора», «лирический субъект», «авторские ремарки» и др.

• **Актант** – семантический элемент пропозиции, соответствует персонажам и предметам реальной ситуации, характеризует роль участника ситуации. Из персонажных актантов наиболее важны **субъект** (единствен-

ный или главный участник события, ответственный за его осуществление, агенса), **объект** (пассивный участник, пациент), **адресат** (персонаж, для которого совершается событие). Из предметных главные – **объект, инструмент и средство**. Каждый из актантов располагает серией возможностей оформления в высказывании с помощью падежных форм и предлогов, едва ли не наибольшие возможности – у субъекта, ср.: *Он тоскует / У него тоска / Ему тоскливо / Его знобит / С ней обморок*.

При дегализации вокруг актанта «вырастает» круг несамостоятельных элементов, связанных с ним отношениями принадлежности (партитивы, в том числе соматизмы, аспекты) или характеристики (квалитативы и квантитативы).

Актантная позиция может быть занята и *пропозицией*, в результате чего ее коммуникативный вес понижается, часто в целях *тематизации*, ср.: *Они поссорились ⇒ Об их ссоре // все уже знали*.

Термин введен Люсьеном Теньером, образован от латинского глагола 'действовать', как и существительные *агент, актёр, акция*. В американской традиции ему соответствует понятие семантической роли, семантического падежа.

• **Актуальная организация высказывания** – часть его устройства, обеспечивающая дифференциацию смысловых элементов по степени важности в условиях данной ситуации или момента общения, т.е. актуальных.

В результате работы этой части устройства либо устанавливается коммуникативное равновесие всех элементов – нерасчленённые высказывания, либо в нём обозначаются две позиции – *тема и рема*; граница между ними отмечается интонацией, при анализе письменного текста обозначается знаком //: ср.: *Наступила осень и Осень // наступила внезапно или Осень наступила // внезапно*. Актуальная организация *сложного предложения* отличается от таковой простого, она двуступенчата.

Операция помещения/перемещения элементов высказывания в эти позиции – *тематизация и рематизация*, каждая из них располагает собственным набором средств, которые помогают читателю вычитывать в высказывании актуальные сигналы, а автору маркировать его в соответствии со своими замыслами и логикой речи.

Деление на тему и рему не исчерпывает актуальной организации высказывания; при её анализе используют понятия «коммуникативная перспектива», «коммуникативный вес», «коммуникативный фокус», «преупозиция».

Актуальная организация высказывания изучается коммуникативным (актуальным) синтаксисом.

• **Анафора** – отсылка к элементу предыдущего текста; одно из средств *тематизации*, состоит в использовании местоимений (*он, тот, такой, тогда, там*), специальных слов с анафорической функцией типа *последний, вышеуказанный, названный* и оборотов типа *то, о чём шла речь; в ситуациях, которые уже приходилось анализировать...* Другие наименования – местоименная замена, прономинализация.

• **Аспект** 1 – семантический элемент *пропозиции*: одна из сторон, например, *актанта*. Круг аспектов любой реалии известен: наши представления о ней включают своеобразную «анкету» – список ее аспектов, и это знание входит в языковую компетенцию (напр., птица ⇒ внешний облик, география и среда обитания, гнездование, размножение и т.д.). Аспекты вводятся в текст с помощью существительных соответствующей – *аспектной* – семантики, ср.: *Вот мой сосед, агроном и Вот мой сосед, но проффессии он агроном*. В качестве аспекта характеристики человека часто выступают *соматизмы*: *Глаза у него карие, брови густые, нос прямой*.

Аспектность как тип отношений между именами в тексте – одно из средств обеспечения производной тематической основы, напр.: *человек ⇒ имя, рост, возраст ...; дерево ⇒ порода, высота, толщина, возраст...; город ⇒ география, история, население...*

• **Аспект** 2 – теоретическое понятие современного синтаксиса: одна из сторон (иногда говорят – уровней) *высказывания*. В соответствии с идеей чешского лингвиста Франтишка Данеша высказывание имеет три относительно автономных аспекта – семантический, актуальный (коммуникативный) и конструктивный (формальный). Каждый из них должен описываться с помощью специфической системы понятий, отсюда дифференцированность современного синтаксиса на три – семантический, актуальный и конструктивный. Эта идея положена в основу университетского курса синтаксиса современного русского языка В.А. Белошапковой и определяет его композицию.

Для понимания устройства текста такой подход к высказыванию имеет первостепенное значение, он последовательно реализован в настоящем курсе.

• **Вводные слова, конструкции и предложения** – одно из средств проявления *авторского начала* в тексте. Внеположены синтаксической структуре высказывания, выражают субъективные смыслы неуверенности / уверенности в достоверности сообщаемого (*видимо, разумеется, конечно*), оценки (*к сожалению*), а также разнообразные *метасмыслы* (*во-первых, итак, кстати*). Различаются наличием / отсутствием в своем составе предиката (сказуемого), ср.: *короче / короче говоря / если выражаться совсем кратко; по-моему / на мой взгляд / как я полагаю*.

В письменном тексте выделяются пунктуационно (запятые, тире, скобки); в современной практике, особенно в текстах средств массовой информации обязательность этого требования снижается.

• **Вставка, или вставная конструкция** – средство создания двушлассности текста, выделения в нем второстепенной информации, сообщаемой попутно или по ассоциации с тем или иным элементом основного содержания текста. В письменном тексте обязательно отделяется пунктуационно или графически – скобками, тире, разными шрифтами. Хотя, в отличие от вводимых конструкций, не обязательно содержит собственно авторскую информацию, но может быть отнесено к авторскому началу текста, автор при этом выступает как «распределитель» информации на основную и добавочную.

• **Выделенная (акцентуированная) тема** – тема, отмеченная особым образом помимо инициального положения в высказывании. Цель выделения – привлечь особое внимание читателя, акцентуация. Используется в экспрессивных *зачинах*, при смене тем – введении новой или возвращении к старой.

Выделяется тема с помощью приёма «двойного обозначения»: тематизируемый компонент высказывания выносится в его начало, можно сказать, за его пределы, отделяется точкой, многоточием или восклицательным знаком, а затем обозначается вторично местоимением в нужной форме.

На основе этого приёма сложился целый ряд конструкций выделенной темы. Простейшие из них – конструкции *Что до /Что касается..., то...* Более сложные – именительный и инфинитив темы: *Воспоминания! Как острый нож оне ; Шутить! Весь век шутить! Как вас на это станет!* (Грибоедов). При вторичном обозначении в конструкциях с именительным темой используется местоимение *он* или *это* со словом, эксплицирующим семантику тематизированного элемента: *Москва... Как много в этом звуке для сердца русского слилось!* (Пушкин); при инфинитиве – *это*.

Наиболее сложными оказываются высказывания, в которых тематизированы высказывания, а при вторичном обозначении используются местоимение *это* с металексикой: *Кто виноват? Что делать? Кому править? – Когда эти вопросы перестанут решать, история прекратит своё течение* (А.М. Песков).

Выделенная тема – одно из проявлений сегментации высказывания, характерное для современного синтаксиса.

• **Высказывание** (в таком же смысле часто употребляется термин *предложение*) – элемент текста, реализация одного коммуникативного хода. В

диалогическом тексте соответствует *реплике*. В одном высказывании может быть полностью реализован авторский замысел, в таком случае оно будет микротекстом (О.И. Москальская).

Согласно современным синтаксическим представлениям, у высказывания три *аспекта*, каждый из которых имеет собственную организацию. Поскольку каждый из аспектов, или организаций, описывается с помощью системы специфических понятий, современный синтаксис представлен по существу тремя синтаксисами – актуальным (коммуникативным), семантическим и конструктивным (формальным).

Для изучения текста наиболее существенны *актуальная и смысловая организация высказывания*, тогда как в школе (да и в вузе) практикуется преимущественно анализ по членам предложения, которые отражают в основном его конструктивную сторону.

• **Деепричастный метаоборот** – одно из средств выражения *авторского начала* в тексте, вид *вводных конструкций*; оборот с деепричастием глагола речи: *вообще говоря, выражаясь куртуазно, суммируя*.

С помощью этого средства в высказывание вводят ряд метасмыслов: смены манеры речи (*иначе говоря, короче говоря, выражаясь высокопарно*), рефлексии по поводу правил речевого поведения (*честно говоря, по правде говоря*).

Отличие от классических – диктумных – деепричастных оборотов в том, что субъект их действия не совпадает с субъектом основного глагола, это всегда **Автор текста**. Иначе комически звучали бы предложения типа *Они были, говоря словами Чацкого, сторонниками «свободной жизни»* (М. Нечкина).

• **Диктум** – элемент *смысловой организации высказывания*, отражающий его объективное содержание; составляет высказывание только в соединении с *модусом*.

Единица измерения диктума – *пропозиция*, это даёт возможность различать высказывания элементарные – с монопропозитивным диктумом, и семантически сложные – полипропозитивные. Монопропозитивный диктум воплощается, как правило, в *простом предложении*; полипропозитивный – как в *простом*, так и в *сложном*; при этом пропозиции получают разный коммуникативный вес.

Термин введён Ш. Балли, образован от латинского глагола ‘говорить’, точнее его страдательного причастия; буквально – ‘то, о чем говорится’; производные от него известны и русскому языку: *диктор, диктант, диктатор*.

• **Жанр** – тип текста, определяемый коммуникативной целью автора, его представлениями о сфере общения и речевом этикете. Представления

о жанрах регулируют речь во всех сферах, обеспечивая понимание и оценки общающихся как приемлемых партнёров в общении. Малейшее отступление от жанрового сценария оценивается адресатом как погрешность или оригинальный ход.

В наибольшей степени разработана теория **литературных жанров** (прозаических и стихотворных) и литературный этикет разных эпох. М.М. Бахтиным заложена традиция широкого понимания жанра – как **жанров речи**, или **речевых жанров**, в которые «отливается» любое речевое действие (речевой акт). В развитие этого подхода разработана типология речевых жанров, включающая их типы – **информативные, императивные, оценочные и этикетные**.

В школьное преподавание вводится представление о широком круге литературных жанров, а также таких видах текста (по существу – информативных жанрах), как *описание, повествование, рассуждение*.

• **Заголовок (заглавие)** – фрагмент текста, как правило, вынесенный за его пределы, отличающийся графически (размер, шрифт). Может находиться в разных отношениях с текстом, главным образом с его *начинком*: задает его *тему*, иногда *жанр*, «конденсат» содержания, авторскую оценку. При необходимости решения нескольких задач заглавие сопровождается **подзаголовком** и **эпиграфом**. Всё это задаёт пространство развёртывания текста, тем самым давая основания для оценки его полноты и завершённости (так судят о раскрытии темы в школьных сочинениях).

В художественной речи предпочитается сложность, нетривиальность отношений заглавия и текста, что работает на эффект заинтригованности читателя (поэтика заголовка). Для стихотворных лирических текстов характерно отсутствие заголовка, что воспринимается как жанровая примета.

Заголовок может иметь не только текст в целом, но и его фрагменты – части, главы, главки. Такие заголовки бывают и собственно структурирующими (*Предисловие, Заключение, Глава 1, Эпиграф*), и информативными. В научных и художественных текстах, главным образом романах, иногда обе задачи совмещаются – ср.: *Глава двенадцатая, в которой герой обретает новых союзников* и *Глава 1. Теоретические основы изучения ономастики в школе*. Структурирующие заголовки – часть *метатекста*, его каркас.

Структурирующие заголовки обязательны в квалификационных научных текстах, в том числе курсовых и дипломных работах. Все такие заголовки выносятся в начало или конец текста и получают статус отдельного элемента структуры текста – **Оглавление**.

• **Зачин** – фрагмент текста, элемент его структуры, начинающий его, начало. Вместе с **концовкой** текста служат пограничными сигналами текста и, как правило, вмещают его этикетное содержание.

Терминологически используется по отношению к письмам и другим текстам, структура которых регламентирована; там существуют особые формулы зачинов.

Зачин может быть стереотипным (формульным) и оригинальным. *Эксплицитно* рефлексия автора по поводу зачина включается в текст с использованием лексики фазисной семантики: *Начну с главного; Начать придётся с неприятного; Вначале прошу извинить меня за долгое молчание; Начало интервью могло озадачить многих*.

Теоретически проблемы зачина разработаны в риторике и эпистолярной словесности. В поэтике по отношению к разным жанрам именуется *запев, экспозиция*.

• **Именительный темы** – одна из конструкций *выделенной темы: Вселенная! Что мы знаем о ней?*

Это открытие А.М. Пешковского, он же предложил название «именительный представления». Позднее с учётом идей об *актуальном членении высказывания* введён данный термин и даже предложено использовать оба, обозначая некоторые различия, от которых мы вполне можем отвлечься (Г.Н. Акимов). Активизация именительного темы в современной письменной речи может рассматриваться в русле влияния на неё разговорного синтаксиса, где эта конструкция представлена широко и повсеместно. С этим, кстати, связаны и ошибки школьников типа **Пушкин он родился в 1799 году; *Дубровский он любил своего отца и не мог простить Троекову* (О.Б. Сиротинина).

Именительный темы иногда не отличают от назывных предложений, хотя он представляет собой не самостоятельное высказывание, а только его особо выделенную часть, ср.: *Весна. Кто не ждёт её прихода? и Весна. Уже тает снег. Теплеет*.

• **Имплицитность** – способ присутствия смысла в высказывании – скрытый, неявный, но безусловно понимаемый адресатом; противоположность *эксплицитности*.

Имплицитный смысл практически всегда может быть *эксплицирован*, эта процедура именуется *экспликацией*. В русском предложении имплицитность характерна для ряда смыслов – принадлежности (в предложении *Он вынул руки* имплицитен смысл «свои»), оценочности (*Я в изумлении* – имплицитен смысл «крайне отрицательная оценка») и даже субъекта (*Послышались шаги* – имплицитен субъект восприятия).

• **Интонация** – нас интересует как одно из средств актуальной и семантической организации высказывания. К интонации обращаемся, когда выявляем границу темы и ремы – здесь нам помогает **синтагматическое членение высказывания** – и определяем центр ремы – в этом случае важно услышать **фразовое ударение** (в школе его называют логическим). Для семантического синтаксиса важны **интонационные «мелодии»** (их след за Е.А. Брызгуновой называют интонационными конструкциями – ИК), различающие при одном и том же словесном составе фразы утверждение, восклицание и вопрос: *Он приехал.* – *Он приехал!* – *Он приехал?*; положительную или отрицательную оценку в предложениях типа *Какой он лектор!* Таким образом, синтаксис интересуется интонацией в тех случаях, когда она оказывается смыслообразительным средством.

Интонация – одно из трудноуловимых для изучения языковых средств звучащей речи, но безусловно ведущее и информативно нагруженное. Во всём своём богатстве изучается в риторике, технике педагогической речи, курсах выразительного чтения.

• **Инфинитив темы** – см.: *Выделенная тема.*

• **Каузатив** – семантический элемент высказывания с **полипропозитивным диктумом**: включает в себя обозначение **пропозиции**, являющейся причиной, и показатель причинных отношений. При этом пропозиция может быть выражена как **предикативной единицей**, так и пропозитивным именем. От этого зависит выбор показателя и структуры предложения: в первом случае показателями оказываются подчинительные союзы в сложном предложении (*потому что, так как, ибо* и др.); во втором – предлоги (*по болезни; из-за дождя; благодаря помощи родителей*). В школьной грамматике каузативу соответствуют обстоятельство причины в простом и придаточное причины в сложноподчинённом предложении. В названных конструкциях причинные отношения (их называют ещё **каузативными** или **каузальными**) имеют типичный для них **коммуникативный вес**, который может быть как повышен и тогда выражаться специальным элементом пропозиции (*Причина неурожая – засуха; Неурожай – следствие засухи; Засуха вызвала неурожай*); так и понижен, выражаясь имплицитно – в бессоюзном сложном предложении (*Печален я: со мною друга нет*).

Каузативность может быть смысловым элементом текста, получая выражение с помощью **текстовой скрепы** *Дело в том, что...* или специальных метатекстовых высказываний типа *А причина случившегося была в следующем; Что же послужило причиной такого исхода?*

• **Квалитатив** – семантический элемент пропозиции: характеристика одного из элементов, напр., субъекта (*Печальный музыкант заворочил зал*) или объекта (*Он написал фантастическую повесть*); в школьной

грамматике – определение. Выражается чаще всего прилагательными или предложно-падежными конструкциями существительного (*На нем был пиджак в полосу*).

Рематизация квалитатива передвигает его в позицию **предиката** с семантикой характеристики: *Он был умен, обаятелен, но с характером.*

Квалитативы часто сопровождаются формами со значением **аспекта**: *Он был высокого роста, атлетического телосложения.*

• **Квантитатив** – семантический элемент **пропозиции**: количественная характеристика актанта. Выражается **предикатом** или распространителем другого компонента предложения: *Их было четверо; Во всех двадцати школах города прошли экзамены*, что определяется **коммуникативным весом** квантитатива.

Кроме числительных, квантитативы выражаются существительными (*Вопросов – масса*), наречием (*Дел – непереворот*), глаголом (*Денег – хватает*) и фразеологическими оборотами (*Денег – куры не клюют*). Такие конструкции составляют особый блок моделей простого предложения – квантитативный.

• **Коммуникативный вес** – относительная характеристика пропозиции или её элемента в актуальной организации высказывания и текста; зависит от способа оформления.

Можно говорить о шкале коммуникативных весов, расположив их по нисходящей: наибольший коммуникативный вес приписывается пропозиции, получающей выражение в самостоятельном высказывании; далее следуют способы предъявления в предикативной единице сложного предложения; понижение коммуникативного веса пропозиции достигается низведением её до статуса элемента пропозиции – актанта, обстоятельства, определения; наконец, пропозиции с минимальным коммуникативным весом помещаются в **пресуппозиции** высказывания и не получают эксплицитного выражения, хотя присутствуют в смысловой структуре высказывания и текста.

• **Конструкция высказывания** – строение высказывания, его форма, конкретная реализация особого аспекта высказывания, противопоставленного семантическому и актуальному, его **конструктивной организации**. Характеризуется выбором **модели**, её парадигматической разновидности, а также механизмов её распространения и осложнения. В более общем плане термин **конструкция** может относиться не только к высказыванию, а вообще к любой языковой единице, в том числе и тексту.

Термин **конструкция** используется иногда как синоним **структура**, однако если последняя предполагает вычленение элементов, то первая – их соединение в целом.

• **Конструктивная (формальная) организация высказывания** – часть его устройства наряду с семантической и актуальной организацией, отличающаяся от них как внешняя, наблюдаемая сторона от содержательных, составляющих смысл и актуальные характеристики высказывания.

Изучается конструктивным синтаксисом, цель которого – выявление законов конструктивной организации высказывания, выводимых из законов смысловой и актуальной.

Главные идеи и понятия конструктивного синтаксиса таковы.

Грамматика высказывания устроена так, что в принципе диктум выражается лексическим составом, а модус – грамматическими показателями (морфемами предиката, глагольными связками, частицами). Модус и диктум получают отдельное (пропозитивное и предикативное) выражение в **изъяснительной конструкции** сложного предложения: модус в главной части, а диктум – в придаточной: *Я знаю/помню/рад, что вы приехали*. Поэтому любое высказывание может быть перестроено в изъяснительную конструкцию, которую в этом отношении следует признать первичной и центральной в системе средств языкового, ср. *Где ты был?* и *Где ты был, а тебя спрашиваю; Позволь тебя спросить, где ты был*.

Простое и сложное предложение – технические возможности языкового воплощения высказываний с монопропозитивным и полипропозитивным диктумом, в том и другом случае модус предполагается имплицитным (за исключением уже упомянутой занимающей особое положение изъяснительной конструкции). Одна из задач конструктивного синтаксиса – описание техники простого и сложного предложения, куда входят **модели простого и сложного предложения**, система их парадигматических видоизменений и распространения на основе присловных и предложенческих связей.

Для лексического оформления высказывания существен **закон смыслового дублирования**, который определяет **правила семантического согласования**. Так, описывая ситуацию движения, нельзя обойтись предикатом *двигаться*, следует помнить, что *человек идёт, вода течёт, птица летит, змея ползёт*. Действует закон семантического согласования и на линии предикат/объект: *впечатление производят, а эффекта достигают; ошибки делают и допускают, а погрешности только допускают*. Эти правила служат основой фразеологизации и фоном, на котором формируются метафорика.

Конструктивный синтаксис во многом совпадает со школьным синтаксисом, однако понятиям типов и членов предложения предпочитает собственно конструктивные понятия **модели** и морфологических форм (падежа существительных, форм лица и числа глагольного слова) и служебных слов.

• **Локатив** – семантический элемент **пропозиции**: соответствует месту в реальной ситуации. Выражается наречием или предложно-падежной конструкцией: *Они подошли ближе/к берегу*. Рематизация локатива перемещает его в позицию предиката: *Они – на берегу*.

В школьной грамматике – обстоятельство места.

• **Межфразовые связи** – смысловые отношения между составляющими текст высказываниями, служат основой создания текста, нанизывания высказываний. Могут быть **имплицитными**, а могут **эксплицироваться** с помощью **текстовых скреп**, лексики, **метавысказываний**. Типы таких связей: **тождество** (и, аналогичным образом, так же); **сопоставление** (а, между тем, в то же время), **противопоставление** (но, однако, вместе с тем); **временная последовательность событий** (потом, на следующий день, год спустя).

• **Метавысказывание** – одно из средств авторского начала текста, высказывание о тексте, характеризующее его композицию (*Рассмотрим второй вопрос. Перейдём к подведению итогов*) или речевое поведение автора (*Не хотелось бы ничего обидеть, но приходится сделать одно замечание; Рискую выглядеть категоричным, но вынужден сказать, что согласиться с предложенным нет никакой возможности*). Воплощение какого-то метасмысла в автономном высказывании – свидетельство его высокого коммуникативного веса.

• **Метапоказатель** – формальный элемент **модуса** высказывания или **метатекста**, содержащий информацию об авторском поведении – жанре, композиции текста, мотивах высказывания, отборе языковых средств и т.п. Метапоказателями могут выступать особые **метавысказывания** и вводные конструкции типа *кстати, итак, во-первых, наконец, говоря конкретно, выражаясь фигурально, чтобы не сказать..., если не сказать*.

• **Метатекст** – часть текста, содержащая информацию о самом тексте: его структуре, оценке автором его отдельных частей и др. Состоит из **метавысказываний**, **вводных слов** и **конструкций** и других **метапоказателей**. Понятие и термин введены А. Вежбицкой.

• **Метасмысл** – содержательная составляющая **модуса** высказывания и **авторского начала** текста, его элемент, выраженный каким-либо из **метапоказателей** или **имплицитно**. Так, метасмысл преувеличения может быть выражен с помощью слов *пожалуй, едва ли не* и конструкций типа *Не будет преувеличением сказать; Не преувеличу, если скажу, а может быть не выражен явно, как в разговорной фразе *Сто лет не виделся**.

• **Метасредства текста** – то же, что **метапоказатели**.

• **Местоименная замена** – то же, что *анафора*.

• **Модель** – ключевое понятие конструктивного синтаксиса; другие наименования – структурная схема, формула, образец. Обозначает основу конструкции предложения – такую грамматическую форму или их комплекс, которые при заполнении их лексикой дают реальные высказывания, и поэтому воспринимаются как образцы для их построения.

Модели русского простого предложения исчислены и представлены в виде закрытого списка. Существует несколько версий такого списка.

В наш входят 20 моделей (список представляет собой модификацию того, что предложено В.А. Белошапковой). Четыре однокомпонентных модели, составляемые предикатными формами *Vf3s, N1, Adj3n, AdvN2*, и

четыре двухкомпонентных, составляемых соединением этих форм с *N1*, которая требует согласования с ней в грамматических категориях. Таким образом, первый ряд составляют 8 минимальных – в конструктивном и смысловом отношении – моделей. Второй ряд составляют их дериваты – количественные (квантитативные), где те же предикатные формы соединяются с *N2*, плюс две модели, в которых к ней присоединяются числитель-

ное и предикативная единица – *N2 Num, N2 PE*; и событийно-оценочные, где те же предикатные формы соединяются с *Inf*, обозначающим оцениваемое событие, плюс две модели – *Inf Inf, Inf PE*.

Реально мы имеем дело с большим числом образцов построения предложения, поскольку каждая из моделей обладает предикативной и деривационной парадигмами и системой регулярных реализаций.

С другими версиями списка моделей можно познакомиться в академической грамматике (там используется термин *структурная схема*) и в работах Г.А. Золотовой.

Для моделей сложного предложения важно число предикативных единиц и показатель связи между ними, иногда существен лексический состав предикативных единиц, например, для предложений присубстантивных (в школьной грамматике – сложноподчиненные с придаточными определительными).

• **Модус** – элемент смысловой организации высказывания, его субъективное, авторское содержание, представляющее собой **способ подачи** объективной информации, диктума.

Любой диктум может быть представленным в серии предложений – в сопровождении разных модусов; ср.: *Идет дождь* (модус репортажа); *Шёл дождь* (модус воспоминаний); *Вот бы дождь пошёл, Дождичка бы!* (модус пожелания); *Как бы дождь не пошёл!* (модус опасения); *Да нет*

там дождя! (модус отрицания). Это даёт основания понимать модус как обрамление диктума, отсюда и термин – модальная рама/рамка.

У модуса в предложении может быть разный удельный вес: от имплицитного, как в предложениях с модусом просьбы типа *Воды! Воды!* до максимального – *Как я рад, что это произошло!*

Модусы всех высказываний текста образуют его *авторское начало*.

Термин введён Ш. Балли, им заимствован из латинской терминологии средневековых схоластов; буквально ‘вид, образ’, ср. *modus vivendi – образ жизни* и ещё полтора десятка подобных латинских выражений, активно используемых образованными русскими в 19 веке [Бабкин, Шендцев 1987. С.121–123].

• **Нулевая тема** – одна из формальных возможностей тематизации; словесная невыраженность темы в предложении в виду ее очевидности из предшествующего текста (обозначается значком Ø). Возможна в тексте с константной тематической основой, оказывается предпочтительной в таких экономных типах текста, как энциклопедическая статья, техническое описание. Характерна для устной разговорной речи. В стилистике изучается среди явлений эллипсиса.

• **Нарратив** – то же, что *Повествование*.

• **Описание** – *информативный речевой жанр*. Выступает как самостоятельный текст, например, энциклопедическая статья, или как фрагмент художественного или научно-популярного текста.

Описание – это сообщение ряда свойств одного предмета, поэтому для его устройства характерна константная или производная тематическая основа, в последнем случае актуальны партитивные и аспектные отношения; в рематической линии – качественные; имплицитное авторское начало, при проявлении – модус непосредственного наблюдения или ссылки на чужие данные.

Частные случаи описания – **портрет**, где речь идёт о человеке, особую важность приобретают соматизмы; и **пейзаж**, который описывает местность, следовательно, тематическую основу такого текста составит лексика пространственной семантики (локативы). Описание, в котором рематическую линию составляют показатели оценки, называют импрессионными, здесь рематическую доминанту составляет оценочная лексика (Г.А. Золотова).

• **Партитив** – семантический элемент пропозиции: именует реалию, частью которой является связанный с ней актант, выражается предметным именем: *крыша дома, обложка книги, его нос*. Партиitivность как тип от-

ношений между именами в тексте – одно из средств выражения *тематической основы*.

• **Парцелляция** – одно из средств экспрессивного обозначения *ремы*, точнее, наиболее важной её части, которая и отделяется точкой (парцеллируется), получая название парцеллат; ср.: *Он заговорил слишком громко и Он заговорил. Громко. Слишком.*

Весь этот ряд терминов связан с французским *parcellation*, восходящим к латинскому ‘часть, доля’.

• **Перифраза** – одно из средств тематизации, иное (перифрастическое) именование реалии, уже известной из текста: *Петербург – город на Неве – Северная Пальмира – Северная Венеция*. Различают перифразы общеязыковые (как приведенные) и текстовые (*Пётр Иванович – наш герой; Надежда – невеста*). В функциональном плане аналогична повтору и местоименной замене, однако с позиций стилистики предпочтительна. Частотные перифразы собраны и истолкованы в словаре [Новиков, 2000].

• **Повествование** – информативный речевой жанр, сообщение о ряде событий. Выступает как отдельный текст (бытовой рассказ, информация в газете) или фрагмент текста – литературного в жанре романа, повести, рассказа. Текстобразующие моменты – акциональная рематическая доминанта (Г.А. Золотова); в тематической основе – в основном актанты и локативы; авторское начало, как правило, – имплицитное; если проявляется, то в виде модусов наблюдения типа *И тут я увидел, как...*

Повествование – это глагольный текст, и для него важны видо-временные характеристики глагола, в нём преобладает совершенный вид.

В зависимости от временного соотношения диктума и модуса (событий и повествования о них) повествование предстаёт как **репортаж** (рассказ и событие одновременны, настоящее актуальное время глаголов), **воспоминание/мемуары** (события предшествуют повествованию, время глаголов – прошедшее или настоящее историческое) или **прогнозы, планы, мечты** (события последуют за повествованием, время глаголов – будущее).

Повествование – излюбленный объект структуралистских штудий художественного текста (там оно именуется *нарратив*).

• **Повтор** – одно из средств *тематизации*: обозначение одной и той же реалии одним и тем же словом, что обеспечивает ее идентификацию в тексте и прочитывание тематической основы. Русская стилистика не любит повтора, рекомендует избегать его, прибегая к *местоименным заменам и перифразам*. Может быть и особым стилистическим приёмом.

• **Порядок слов** – одно из средств *актуальной организации высказывания*. В этой его работе важны позиции начала и конца высказывания, иначе **инициальная** и **финальная** позиции. В нейтральной письменной речи инициальная позиция отводится *теме*, финальная – *реме*. В устной разговорной и экспрессивной письменной речи напротив: инициальная позиция отводится реме, а финальная теме.

Ситуация осложняется тем, что актуальное членение – не единственная работа порядка слов в русском языке: он служит и грамматическим связям слов в предложении. В этом случае, однако, важны не абсолютные, а относительные характеристики: **препозиция** определения, **постпозиция** объекта. Таким образом, актуальный порядок слов воспринимается на фоне грамматического, как отклонения от него. Взаимодействием и разнонаправленностью их действия объясняется, например, такой факт, что слово из тематической части высказывания может оказаться в самом конце – по требованию грамматического порядка слов.

• **Предикат** – элемент высказывания, имя *пропозиции*, имеет высокий коммуникативный вес. Семантически предикат может означать существование, событие, состояние, характеристику; конструктивно представлять собой глагол, существительное, прилагательное, наречие.

В школьной грамматике – сказуемое.

Понижение коммуникативного веса обозначенного предикатом смысла приводит к перестройке предложения – деепричастный и причастный оборот, пропозитивные имена. Именно поэтому деепричастие называют второстепенным сказуемым.

• **Предикативность** – конструктивное свойство конструкции, которая может выступать в качестве основы *простого предложения* или части *сложного предложения* – предикативной единицы. В случае симметричной организации предложения предикативность оказывается конструктивным соответствием пропозитивности.

Термин в отечественную лингвистику введён В.В. Виноградовым для обозначения грамматического отличия предложения от словосочетания. Он понимал предикативность как комплекс грамматических категорий лица, модальности и времени.

• **Предложение** – см.: *Высказывание*.

• **Пресуппозиция** – позиция в актуальной организации высказывания, которая отводится смыслам, ещё менее значимым, чем составляющие тему, и потому не получающим словесного обозначения. Это возможно благодаря тому, что они известны адресату из опыта, предварительного об-

щения или предшествующего текста и потому понимаются им «по умолчанию».

Пресуппозитивные смыслы позволяют строить тематические основы с производной темой, обеспечивая связность текста; напр., *Мы подошли к дому. Окна были распахнуты* – тематизация слова *окна* обеспечивается пресуппозитивным смыслом, который мог бы быть выражен предложением типа *В нем были окна*, очевидным для любого.

Сигнал адресата о его недостаточной осведомлённости может вызвать экспликацию пресуппозиции, осложняя диалог.

Понятие пресуппозиции и термин введены сначала в логику (Г. Фреге), затем в лингвистическую семантику, в том числе отечественную (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева).

• **Принадлежность** – семантические отношения между элементами пропозиции, точнее, между актантами – обладателем (посессором) и объектом обладания. Выражается притяжательными местоимениями или прилагательными, а также формой родительного падежа (*ключи – мои, отцовы, отца*). Принадлежность в тексте часто остается невыраженной – при очевидности, например, *кивнул головой (= своей)*, *написал письмо матери (= своей)*, *прошу ответить на письмо (= моё)*. В том и другом случае участвует в формировании тематической основы.

• **Пропозиция** – элемент смысловой организации высказывания, языковая модель элементарной ситуации в действительности. Пропозиции рефлексивной деятельности человека (речи, мысли, чувства) могут занимать место в пресуппозиции, модусе и диктуме высказывания, как, напр., пропозиция зрительного восприятия в предложениях: *Я подошёл к окну: начиналась метель; Я увидел, как он свернул за угол; Я знаю, что ты видел это своими глазами*. Пропозиции существования, состояния, движения, действия могут оказаться только в составе диктума.

Способность языковой единицы обозначать пропозицию называется пропозиитивностью.

В плане выражения пропозиции соответствуют предикат, подпредикативная конструкция (деепричастие, причастие и включающие их обороты), инфинитив, пропозитивное имя и предметное имя в пропозитивном прочтении. Возможно и имплицитное проявление пропозиции. Все эти способы различаются коммуникативным весом пропозиции в высказывании – расположены по убывающей.

Пропозиция может быть представлена недетализированно (*Смеркалось; Будет весело*). При необходимости детализации пропозиция обретает структуру, в которой различают ее элементы – *актанты* и *обстоятельства* (в том числе *локативы* и *темпоративы*), а также характеристики ак-

тантов и обстоятельств (*кавалитативы, квантитативы, аспекты, партиитивы*). При необходимости большей детализации, чем предполагается языковым стандартом, вводятся квазиактанты (ср. *Тоска – Ему тоскливо – Тоска его заела*). Механизмы поиска квазиактантов определяются метафорикой языка.

Для построения текста существенна актантная перспектива представления пропозиции (грамматика залогов).

• **Простое предложение** – одна из возможностей воплощения высказывания с *монопредикативным диктумом*, монопредикативная конструкция. В русском языке оформляется с помощью ряда *моделей*.

• **Рассуждение** – информативный речевой жанр, иногда выступает как фрагмент текста, чаще всего в научной сфере. Жанрообразующим для рассуждения оказывается умозаключение, поэтому авторское начало представляет собой *метатекст* типа *если А, то Б; А, значит Б* и более сложные, многоходовые умственные операции. В качестве эксплицитных элементов авторского начала и текстовых скреп в рассуждении выступает лексика со значением умственных действий (*сделаем/направляется вывод, значит, следовательно, выходит, стало быть*). Характерны для него конструкции сложного предложения с союзами условной и причинно-следственной семантики (*если..., то; потому что; поэтому; чем..., тем*). Рассуждение – практически безглагольный текст, его глаголы – связки (*является*) или показатели логических отношений (*вытекает, следует, означает*).

• **Рема** – элемент актуальной организации высказывания, позиция наибольшей актуальной значимости в противоположность *теме*. Маркируется с помощью *порядка слов*, специальных *частиц*; *центр* ремы отмечается фразовым ударением. При необходимости особо выделить центр ремы используется *парцелляция*.

В тексте последовательность рем образует *рематическую линию*, в которой виден сюжет текста (при рассмотрении текста сквозь призму метафоры *танья – рематический уток*).

• **Рематизация** – операция помещения смыслового элемента в *рему* высказывания с помощью отработанных в языке средств.

• **Рематическая доминанта** – ряд однородных в смысловом отношении *рем*, характеризующих определенные жанры; так, в повествовании – акциональная рематическая доминанта, то есть в центре ремы постоянно события, действия, акции; в описании – квалитативная; в пейзаже – предметная (идея и термины Г.А. Золотовой).

• **Рематическая линия / уток** – в тексте ряд рем, одна из составляющих текстового устройства наряду с тематической основой и авторским началом. Представляет смысловое развитие текста, его сюжет; напр., место – событие – персонаж – квалитив – оценка. Частью рематической линии может быть *рематическая доминанта*.

• **Реплика** – см.: *Высказывание*.

• **Семантическая организация высказывания** – см.: *Смысловая организация высказывания*

• **Сложное предложение** – одна из технических возможностей языкового воплощения высказывания с полипропозитивным диктумом – полипредикативная конструкция.

• **Смысловая (семантическая) организация высказывания** – часть его устройства, аспект наряду с конструктивным и актуальным. Изучается семантическим синтаксисом, получившим развитие в отечественной лингвистике с середины 1970-х гг. Задача семантического синтаксиса – выявление элементов смысла высказывания и принципов / законов его формирования.

Важнейшим элементом смысловой организации считается *пропозиция*. Типология пропозиций – фундаментальное знание семантического синтаксиса.

Главным законом смысловой организации признаётся закон соединения в высказывании *диктума* и *модуса* (традиция использования терминов – от работ Шарля Балли, поэтому этот закон можно было бы называть *законом Балли*). Изучение действия этого закона предполагает выявление всех модусных и диктумных смыслов и вариантов их соединений. Такие семантические комплексы называются семантическими структурами или семантическими конструкциями.

Смысловая организация высказывания не может быть изучена без обращения к его конструктивной организации в силу того, что любая смысловая структура должна быть воплощена формальными средствами языка и вне такого воплощения не может обособиться.

• **Союз** – показатель синтаксической связи, в том числе в *сложном предложении*, где является конструктивно значимым элементом *модели*; эксплицитно выражает отношения между соединяемыми компонентами.

В русском языке насчитывается более 300 союзов и подобных им крепл. Принято различать союзы **сочинительные** (*и, а, но* и др.) и **подчинительные** (*когда, хотя, если*).

Может выступать как *текстовая скрепа* (*но, однако*).

• **Субъект** – элемент смысловой организации предложения.

В диктуме – главный актант *пропозиции* (агенса), различают субъекты действия (*Он построил дом*), движения (*Он пришёл пешком*), состояния (*Ему грустно*), восприятия (*Он услышал/ему послышались звуки вальса*). Субъектом пропозиции может быть «назначен» любой актант, ср.: *Мяч задел в ворота* и *Нападающий забил мяч*, – так повышается его коммуникативный вес.

В *модусе* в простейшем случае субъект – автор предложения: *Идёт дождь* = ‘Я знаю/вижу, сообщаю, что идёт дождь’. Если он совпадает с диктумным субъектом – это высказывания от первого лица: *Я написала /напишу письмо*; если с диктумным субъектом совпадает адресат – высказывания от 2 лица: *Ты поймёшь всё сама*. Возможна и более сложная субъектная модус-диктумная перспектива, как в тексте песни: *Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я*.

Особенностью русского языка считается склонность к *имплицитному* проявлению субъекта, в первую очередь модусного (см. разработанную систему конструкций с мнимым отсутствием модусного субъекта: *Стоит отметить, Следует подчеркнуть*), но и диктумного (*Послышались шаги; Вдали белела церковь*).

• **Текстовые скрепы** – конструктивное средство организации текста; показатель смысловой связи между высказываниями; часть авторского начала текста: автор устанавливает эти отношения и выбирает средства для их *экспликации/не экспликации*.

В качестве текстовых крепл выступают метатекстовые *частицы* типа *итак, впрочем, кстати* и *союзы* *но, однако, а, и*; специальные обороты, лишь по форме представляющие собой **конструкции** сложного предложения *Дело в том, что...; Что касается ..., то...; Если говорить о..., то следует отметить, что...*

Текстовые скрепы «держат» текст вместе с лексикой, чаще всего пространственной (*здесь – правее – внизу*) и темпоральной (*вчера – потом – послезавтра*) и особыми *метавысказываниями* типа *Но вернёмся к нашему герою; Возьмём ещё один пример; Приведём доказательства сделанного утверждения* и под.

Понятие и термин М.И. Черемисиной и Т.А. Колосовой.

• **Тема** – один из элементов *актуальной организации высказывания*; позиция наименее значимых смыслов, в которой тот или иной смысл может оказаться по воле автора или по законам организации текста. Так, уже известная информация почти обречена оказаться в теме, если у автора не появляется желание актуализировать, то есть рематизировать её, напр.: *Об этом говорил вам я*.

Тема маркируется в высказывании рядом средств – порядок слов: **инициальная позиция** в неэкспрессивных письменных высказываниях; *повтор*; *анафора*, или местоименная замена; *перифраз*.

Умелое использование всех средств тематизации – показатель стилистического мастерства автора текста.

- **Тематизация** – операция помещения смысла в *тему* высказывания с помощью выработанных в языке средств.

- **Тематическая основа** – элемент структуры текста наряду с рематической линией и авторским началом. Ряд тем всех высказываний текста, образующий его «несущую конструкцию». Тематическая основа была открыта чешскими лингвистами (они предлагали термин *тематическая прогрессия*), ими же выявлены основные типы основ – **константная, производная и линейная**, выявлена связь между ними и типом текста: первые два типа лежат в основе описаний, третий – повествования. Семантически тематические основы «держатся» на кореферентности языковых номинаций, поэтому в них ощутимы **тематические скачки, повороты, возвраты**. В текстах типы основ чередуются, поскольку большинство текстов характеризуются полижанровостью.

- **Темпоратив** – семантический элемент пропозиции: обозначение времени с помощью наречий и предложно-падежных форм существительного, иногда с участием числительных и кванторных слов (*тогда, весь март, после обеда, с трех до семи утра, в самом начале войны*). Часто имеет текстообразующее значение, участвуя в формировании тематической основы и межфразовых связях.

- **Фокус коммуникативный** – то же, что центр ремы.

- **Формальная организация высказывания** – см.: *Конструктивная организация высказывания*.

- **Центр ремы** – элемент *высказывания*, представляющий наиболее важную информацию, то же, что коммуникативный фокус. Маркируется фразовым ударением и частицами *не, только, именно*.

- **Частицы** – нас интересуют как языковое средство, участвующее в оформлении ряда аспектов высказывания: актуального членения *высказывания*, выступая как показатели ремы (*только, даже, не, именно, ещё*); модуса, служа показателями разных модусных смыслов (*якобы, что-то, авось, никак, будто, вряд ли, вроде, дескать*); метатекста (*итак, то есть, впрочем*). Сложность семантики частиц вызывает необходимость специальных словарей для инофонов (Шимчук, Щур).

- **Эсплицидный** – явно выраженный – лексически или грамматически; в противоположность имплицитному способу присутствия смысла в высказывании, ср. способы присутствия смысла причинность / каузальности – *Надень шапку: холодно* и *Надень шапку, потому что/а то холодно*.

- **Экспликация** – выражение имплицитного смысла путём перифразирования; используется в стилистической обработке текстов, редактировании и учебной работе с текстами.

БИБЛИОГРАФИЯ

Обязательная литература

1. *Вельжица А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
2. *Горшкова И.М.* Дискуссионные вопросы организации текста в чехословацкой лингвистике // Синтаксис текста. М., 1979.
3. *Золотова Г. А.* Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. М., 1979.
4. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1989.

Дополнительная литература

1. *Асмова Г.Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.
2. *Бабенко Л.Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. Екатеринбург – М., 2004.
3. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
4. *Беляева Н.И.* Содержательные категории художественного текста и их языковая экспликация (На материале произведений Ю.М. Нагибина). – Великий Новгород, 2002.
5. *Величко Л.И.* Работа над текстом на уроках русского языка. М., 1983.
6. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
7. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
8. *Гак В.Г.* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.
9. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
10. *Гордон Д., Лакофф Дж.* Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
11. *Горшков А.И.* Теория и история русского литературного языка. М., 1984.
12. *Грайс Г.П.* Логика и речевое поведение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
13. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

14. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
15. *Ким И. Е.* Теория референции: материалы к спецкурсу. Вып. 2. Выражение кореферентности. Красноярск, 1995.
16. *Ковтунова И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
17. *Колосова Т.А.* Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980.
18. *Крылова О.А.* Коммуникативный синтаксис русского языка: Монография. М., 1992.
19. *Лосева Л.М.* Как строится текст: Пособие для учителя. М., 1980.
20. *Николина Н.А.* Филологический анализ текста. М., 2003.
21. *Ипполитова Н.А.* Текст в системе обучения русскому языку в школе: Учебное пособие для студентов пед. вузов. М., 1998.
22. *Москальская О.И.* Грамматика текста. М., 1981.
23. *Рождественский Ю.В.* Введение в общую филологию. М., 1979.
24. *Синичкина Н.Е., Зинкевич Е.Р.* Практическая методика русского языка. СПб., 2005.
25. *Сиротинина О.Б.* Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи. М., 1996.
26. *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.
27. *Черемисина М.И., Колосова Т.А.* Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1997.
28. *Шанский Н.М.* Лингвистический анализ стихотворного текста. М., 2003.
29. *Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис. Красноярск, 1994.
30. *Шмелева Т.В.* Субъективные аспекты русского высказывания: Дисс... д-ра филол. наук в виде доклада. М., 1995.
31. *Шмелева Т.В.* Культура речи: Сборник статей и материалов. Великий Новгород, 1998.
32. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика (1960) // Структурализм: “за” и “против”. М., 1975.

Словари и справочники

1. КРР – Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М., 2003.
2. ЛЭС – Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.

3. **МАС** – Словарь русского языка в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1983.
4. **ПР** – Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. – Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской. – М., 1998.
5. **РЯЭ** – Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
6. **СЭС** – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003.
7. **ТРЯ** – Трудности русского языка / Под ред. А.И. Рахмановой. 2-е изд. М., 1981.
8. **ФС** – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1978.
9. **Бабкин А.М., Шендцев В.В.** Словарь иноязычных выражений и слов. К – Z. 2-е изд. Л., 1987.
10. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991.
11. **Золотова Г.А.** Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
12. **Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А.** Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.
13. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1989.
14. **Ломов А.М.** Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. Воронеж, 2004.
15. **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1988.
16. **Новиков А.Б.** Словарь перифраз русского языка. М., 2000.
17. **Розенталь Д.Э.** Практическая стилистика русского языка. М., 1974.
18. **Черных П.Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка / В 2 т. М., 1993.
19. **Шимчук Э., Щур М.** Словарь русских частиц / Ред. В. Гладров. Берлин, 1999.

Дополнительная литература

- Аверинцев С.С.* Филология // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
Ицкович В.И. Очерки синтаксической нормы. М., 1982.
Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. №1. 1983.

Словари

- Рогожников Р.П.* Словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 1983.

Автор предлагает также познакомиться со следующими изданиями:

- Арутюнова Н.Д.* Сравнительная оценка ситуаций // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. №4. 1984. С.334.
Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. На материале иберо-романских языков. М., 1978.
Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Учебное издание

Татьяна Викторовна Шмелёва

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ГРАММАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Редактор О.Ф.Александрова
 Корректор А.Н.Сперанская

Подписано в печать 26.10.2005. Формат 60×84/16.
 Бумага офсет. Печать ризограф.
 Усл.печ.л. 3,9, тираж 300 экз. Заказ **96**.

Издательский центр
 Красноярского государственного университета
 660041 Красноярск, пр. Свободный, 79